

НИНА ХАРТ

Другая
ЖИЗНЬ

Нина Харт

Другая жизнь

<https://litres.ru/74650099>

Аннотация

Вы когда-нибудь падали? Нет, не так, чтобы идти по улице, нечаянно споткнуться и упасть, разбив колени в кровь. А так, чтобы, знаете, лететь вниз без страховки и знать, что как раньше уже не будет никогда?

Вот ты живёшь в своём идеально выстроенном мире, где всё расписано по минутам на всю жизнь вперёд, где есть полная уверенность в завтрашнем дне, где твой партнёр – навсегда, и ты знаешь, что так будет и через год, два, десять лет, и так до самой старости... И в горе, и в радости. И вместе ... В один день...

Хм, всё может поменяться в одну секунду, теперь я это точно знаю.

А потом бац! И вся эта чётко выстроенная тобою конструкция рушится, и ты в самом центре её летишь на самое дно...

Семь месяцев непробудного сна... И моя жизнь уже не та, что прежде, а люди в ней – предатели.

!!! В тексте присутствует нецензурная брань!!!

В тексте присутствуют сцены курения, курение вредит вашему здоровью! Все персонажи и события являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Название деревни Камыши так же является вымышленным и не имеет никакого отношения к реальному. P.S. Просто автору так нравится)) Однотомник!♥#

Буду рада вашей поддержке, лайкам и звёздам, это, знаете, очень вдохновляет)♥#

Приятного чтения!♥#К книге загружен буктрейлер, всем желающим (и не боящимся спойлеров) приятного просмотра!

Ваша Нина♥#

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	11
Глава 3.	15
Глава 4.	18
Глава 5.	22
Визуалы 1	27
Глава 6.	29
Глава 7.	35
Глава 8.	42
Глава 9.	47
Глава 10.	52
Глава 11.	58
Глава 12.	65
Визуалы 2	71
Глава 13.	74
Глава 14.	80
Глава 15.	87
Глава 16.	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1.

Панорамный ресторан на верхнем этаже башни с видом на ночной мегаполис в пятницу вечером, как всегда, забит до отказа.

Здесь собирается вся элита мегаполиса: банкиры, депутаты, бизнесмены, директора крупных компаний и просто важные «шишки» - все эти толстосумы, ворочающие миллионами. Эти люди точно знают, как приумножить свой капитал: пока они ужинают здесь и сейчас, их накопления растут с каждой минутой в геометрической прогрессии.

Интерьер заведения вполне располагает к непринуждённым беседам. Во всём чувствуется сдержанная роскошь: бархатные банкетки, мраморные столы, приглушённый свет от хрустальных бра и трепетное пламя свечей в тяжёлых подсвечниках. Воздух напоен тонкими ароматами трюфеля, жасминового чая и дорогого парфюма.

Этакий золотой котёл, в котором варится вся богема нашего общества.

И да, я сегодня тоже тут. Точнее, мы. Нас четверо. Четыре неразлучные подруги, можно сказать, с самых пелёнок. Наши родители дружат с...мм-м, с оо-о-очень давних пор, и я уже даже не припомню тех времён, когда мы были незнакомы.

Делаю глоток бархатистого «Помроль» и смотрю на сво-

их девчонок. Влада - арт-дилер, основательница собственной онлайн-галереи, плавно жестикулирует рукой, от чего на её безымянном пальце на миг вспыхивает бриллиант.

- Я больше не хочу просто продавать искусство. Я хочу его создавать! Мой новый проект — инвестфонд для выпускниц Британки*. Мы будем не просто давать гранты. Мы будем строить для них «мягкую посадку»: менторство, студия, первая выставка. Будущее — за сообществом.

Немного задумываюсь, пропуская её слова через себя. Влада всегда стремилась помогать другим, и я думаю, её идея найдёт своих поклонников. Поправляю прядь волос, выбившуюся из причёски, над которой ещё несколько часов назад в салоне колдовала моя Лерочка.

Алкоголь приятно расслабляет, тело непроизвольно откидывается на спинку стула, и я закидываю одну ногу на другую. Безупречно струящийся крой платья с высоким разрезом оголяет бедро, выставляя на показ загорелую нежную кожу. Я сегодня без трусиков, и надеюсь, кое-кто это оценит.

- Гениально! Это перекликается с моим тезисом. Я сворачиваю инвестиции с традиционного "tech" и все силы бросаю в био- и фудтех для женщин. Косметика на основе персонального ДНК-анализа, сервисы женского психического здоровья с ИИ-терапевтом. Рынок недооценен, а потенциал — космический! Через пять лет мы выйдем на IPO* одной из наших «дочек», — Тоня - управляющий партнер венчурного фонда, слегка пригубляет вино, её взгляд цепкий и оцени-

вающий. Её идеально огранённые серьги-пусеты мягко мерцают в слегка приглушённом свете. Она, как вечно занятой человек, поглядывает каждые десять минут на ужасно дорогие часы, лежащие на столе рядом с клатчем Delvaux.

Ужин подходит к десерту. На столе - остатки изысканных блюд, больше похожие на картины: тартар из тунца с авокадо и цветами базилика, равиоли с черными трюфелями, нежнейший стейк из мраморной говядины, хрустящая корочка которого была едва тронута. Бокалы с бархатистым «Помроль» полупусты. Наша долгожданная встреча проходит прекрасно, разговор течёт легко, без тени зависти или соревнования.

Маргарита - архитектор, чьё имя в обществе ассоциируется с эко-отелями, нежно касается ложкой вершины десерта - беже с лимонным кремом и золотой пылью.

- А я покупаю землю в Тоскане. Не для виллы, а для экспериментального поселения. Полная автономия: солнечные панели, замкнутый цикл воды, вертикальные фермы. Знаете, такой «Дом будущего». И это не квадратные метры, это целая экосистема. Я уже веду переговоры с художниками Влады о возможных инсталляциях на территории.

Она быстро переглядывается с подругой, пока та записывает что-то в заметки на телефоне в тонком чехле из кожи крокодила.

- Девчонки! – вдруг прерываю их истории о перспективах на будущее, так как очень сильно хочу поделиться своей. –

Вы же знаете, что я вас всех очень сильно люблю! – загадочно улыбаюсь и подмигиваю, поднимая наполненный бокал.

- Ну-у-у, – первая не выдерживает Тоня и слегка подаётся вперёд. – Колись давай, Мира.

Кусаю нижнюю губу, улыбка рвётся наружу, из глаз наверняка сыпятся искры радости, и я сдаюсь.

- Я выхожу замуж! Та- дам!!!

- Ах!!

- Что?!

- Когда?!

- И ты молчала так долго, выслушивая все наши бредни?!

Тоня и Марго, перебивая друг друга, засыпают вопросами, а потом и вовсе встают с мест и тянутся ко мне с крепкими объятиями. Щёки горят от огромного количества поцелуев, причёска рассыпается волнистым каскадом по плечам. Прости, Лерочка!

Шум, писк, визг, смех! Мы начинаем привлекать почти всё внимание посетителей ресторана.

- Тише, тише вы! Задушите, ах-хха-аа!

Влада подходит последней и, робко обнимая меня за плечи, быстро чмокает в щёку и поздравляет.

- Мне нужно в уборную, отойду ненадолго, не скучайте, – её чёрное платье в пол шикарно выделяет тонкую фигуру. Девушка проходит меж столов, словно богиня, спустившаяся с небес.

- Что это с ней?

- Я думаю, всё дело в том, что её помолвка сорвалась. После расставания с Дмитрием она сама не своя.

- Я поговорю с ней, - дёргаюсь в попытке последовать за ней, но подруги быстро перехватывают.

- Не нужно, Мира. Давайте дадим ей пространство, я уверена, она искренне рада за тебя и Алексея.

Наступает лёгкая пауза, наполненная пониманием. Официант в белых перчатках бесшумно подносит кофе: эспрессо в фарфоровых чашках и капучино с идеальной розеткой.

Марго поднимает бокал. Её голос тихий, но наполненный силой:

- За то, чтобы наше будущее было не просто богатым, а значимым, уверенным! За то, чтобы оставлять след, а не просто блеск! И, конечно же, за тебя наша дорогая, пусть твоя семейная жизнь будет такой же яркой как ты сегодня!

Смех, радость, искры в глазах, звон бокалов и счастье. Моё сердце сегодня разрывается от безмерного счастья.

**Британка - Британская высшая школа дизайна (БВШД)*— частное образовательное учреждение высшего и дополнительного образования в сфере искусства, дизайна, бизнеса и маркетинга.

**IPO (Initial Public Offering)* — это первичное публичное размещение акций компании.

Дорогие мои, приглашаю вас в мою новинку! Будет инте-

ресно, горячо и местами больно! Мы станем свидетелями того, как жизнь человека может измениться всего лишь за одно мгновение, и не всегда эти изменения будут обратимы...

Буду рада вашей поддержке, лайкам, звёздам, комментариям, библиотекам))

Так же предлагаю вашему вниманию буктрейлер к книге. Приятного чтения и просмотра. Поехали))

Глава 2.

- Почему без водителя? - стряхиваю прилипшие хлопья снега с белоснежной шубки и усаживаюсь на пассажирское сиденье. В салоне витает приятный запах кофе, дорогой кожи и тишины.

Лёша закрывает за мной дверь и, обходя автомобиль сзади, открывает свою и присаживается рядом, за руль.

Он, как и всегда, одет в деловой костюм. Уверенные движения, деловитость и немногословность – главные черты его характера. На циферблате дорогих часов отсчитываются секунды, бесспорно, стоящие в его мире серьёзных денег. Вздыхаю и понимаю, как же повезло мне однажды встретить такого мужчину!

- Решил сегодня отпустить, хотел сам тебя забрать.

- Мм-м, твоя кошечка очень соскучилась, мур-мур, – Бентли плавно трогается, тихо начиная своё движение, и я тянусь к будущему мужу, желая поцеловать его и потереться носом о лёгкую щетину.

- Устал?

- Мм, немного, – внимательно смотрю на его профиль. Хмурый взгляд устремлён на дорогу. Обычно Алексей Ковалевский более расслабленный, когда мы встречаемся, но сейчас я чётко ощущаю нервную энергию, исходящую от него. Левая рука сама тянется к мужской напряжённой шее, и я

начинаю медленно массировать твёрдые мышцы, слегка царапая ноготками.

- Так лучше? - шепчу сексуально, пытаюсь вывести его на нужную мне волну.

- Мм, да... Немного. Гх-м, – откашливается и мельком кидает взгляд в мою сторону. Слегка расслабляет галстук и снова возвращается к дороге.

- Расскажи лучше, как посидели?

- Ты знаешь, отлично! Очень душевно, я бы сказала! Девчонки очень рады за нас... Жаль, конечно, что редко получается вот так встретиться... Поболтать...

Продолжаю сжимать и разжимать спазмированные мышцы шейных позвонков. Смотрю в окно. Непрекращающийся снегопад постепенно усиливается, беспощадно намереваясь накрыть огромными сугробами весь город.

- У всех получилось приехать?

- Мм? Что? - немного отвлекаюсь от дороги, где ускоряется движение. Несколько машин очень опасно маневрируют, практикуя шахматное вождение.

- Я спрашиваю, все были?

- А, да-а-а, все. Только Влада, ты знаешь, мне показалось, была чем-то расстроена. Весь вечер очень мало говорила. Хочу завтра встретиться с ней, поболтать, посеCRETничать.

Резкий толчок вперёд, и я буквально съезжаю с кресла, ёрзая голой попой об шёлковую ткань платья.

- Блять! Вот, что за пидор, а! – Лёша гневно сигналил под-

резавшему нас Гелендвагену. - Одни гондоны на дорогах! – разъярённо со всей силы бьёт ладонью по рулю и обгоняет машину.

- Тише, милый! Куда ты так торопишься?

- Мир, я поговорить хотел.

- Поговорим... Лёш, обязательно, только вот сначала, – без всяких прелюдийдвигаюсь к нему, быстро ныряю вниз, дёргаю ширинку, и в следующую секунду моя рука обхватывает горячий и толстый ствол.

- Мира, - правая ладонь с одобрением ложится на мою макушку, широкие бёдра раздвигаются шире, насколько это вообще возможно, и я уже во всю облизываю своё любимое лакомство.

- Мм-м... Лёш, Лёшенька, – причмокиваю, отрываюсь, сплёвываю слюну. Она эротично стекает вниз на взбухшую головку. - А я без трусиков... Для тебя, Лёш... Любимый...

Ковалевский издаёт непонятный то ли рык, то ли стон, и я ускоряюсь.

Вверх – вниз. Щёки втягиваю с такой силой, что они начинают болеть. Хочу доставить ему удовольствие, расслабить.

- Аа-ах, Мир...

- Угу, - продолжаю свои ласковые пытки, не сразу замечая, как мой будущий муж с каждым движением моей головы лишь сильнее жмёт на педаль газа.

От опасности всей этой ситуации адреналин шарашит по венам с такой силой, что я забываюсь, теряюсь в его насла-

ждении, проваливаясь полностью в него. Растворяюсь в нём. Ох, если бы я только могла прямо сейчас взобраться на него, я бы это непременно сделала! Ни минуты не раздумывая!

Шум двигателя, мелькание фонарей за окном – всё исчезает.

- Давай... Ещё ... Еще чуть...- Лёша стонет. Его хриплое мычание возбуждает лишь сильнее.

Пронзительный визг тормозов, хруст металла, и ослепительная вспышка боли внезапно откидывает меня на сиденье.

Как в страшном сне, реальность перед глазами переворачивается вверх дном. Я снова лечу, зажмуриваю глаза от страха и, в поисках защиты, инстинктивно выставляю руки вперед, но это не помогает.

Мир снова крутится. Бесконечно. Удар, боль, запах дыма...

А потом... Моя голова бьётся обо что-то твёрдое.

Последнее, что я вижу, — это снег. Он все так же, как и прежде, кружится и падает.

А скоро ведь Новый год!

И я так хотела загадать желание!

Закрываю глаза и больше ничего не чувствую.

Листаем дальше...

Глава 3.

Семь месяцев спустя.

Госпиталь св. Марии.

Тишина в палате была особенной. Не та тяжелая, гулкая тишина последних семи месяцев, когда лишь механическое шипение аппарата ИВЛ нарушало неподвижность. Эта тишина была живой, хрупкой, наполненной едва уловимыми звуками: скрипом кровати под лёгким движением, коротким, сиплым вдохом и... стонами.

Мира застонала снова. Это был не крик боли, а скорее звук невыносимой тяжести, звук возвращения в тело, которое за долгое время забылось, окостенело и стало чужим.

Её веки дрогнули.

Ирина Сергеевна замерла у кресла, где провела почти все эти семь месяцев, став частью пейзажа палаты. Чашка с недопитым холодным чаем выпала из рук и с глухим стуком ударилась о линолеум. Она не обратила на это внимания. Весь мир сузился до бледного лица на подушке, по которому теперь ползла гримаса — гримаса сознания.

— Мира... — имя сорвалось с губ шёпотом, в котором смешались мольба и ужас.

Веки приоткрылись. Сначала щелочки, затянутые белесой пеленой. Потом шире. Глаза, некогда ярко-карие, сейчас мутные, бездонные, устремлённые в потолок.

Они не видели. Нет, видели, но не понимали. Свет, тени, очертания люстры — всё это было хаосом, атакой на сознание, пытавшееся собраться из осколков.

— Доченька, — Ирина Сергеевна сделала шаг. Потом ещё, боясь спугнуть это невозможное чудо. Она взяла Миру за руку, ту самую, на которой от лежания уже образовалась тонкая, как паутинка, ранка. — Я здесь. Мама здесь.

Взгляд Миры медленно, с невыразимым трудом, пополз вниз. Остановился на сплетённых пальцах. Замер. Брови слегка дрогнули.

Она пыталась понять: мама, рука, тепло. Семь месяцев во сне, где не было ни времени, ни ощущений, только глухой гул где-то на краю.

А теперь — всё сразу. И всё было неправильным, чужим, громким.

Дверь приоткрылась, и в палату вошёл отец, Олег Геннадьевич. Седовласый мужчина нёс два стакана свежесваренного кофе, его обычный утренний ритуал. Он что-то говорил, обращаясь к жене, но слова застряли в горле.

Олег Геннадьевич увидел открытые глаза дочери. Стаканы грохнулись на пол, коричневая жидкость брызнула на стены. Отец Миры, серьёзный и всегда собранный мужчина, занимающий должность депутата, вдруг стал беспомощным, как ребёнок. Он прислонился к стене, чтобы не упасть, и закрыл лицо ладонями. Плечи его затряслись.

- Позови... врача, — выдавила Ирина Сергеевна, не от-

пуская руки дочери.

Муж кивнул, не в силах говорить, и выбежал из палаты.

Мира моргнула. Медленно, как будто вспоминая, как это делается. Её губы попытались сложиться в букву. Получился лишь хриплый выдох.

- Не надо говорить, - быстро, ласково зашептала Ирина Сергеевна, смахивая слёзы тыльной стороной ладони. — Не надо. Все хорошо. Ты просто смотри. Ты здесь. Ты дома.

Но «домом» сейчас была эта стерильная комната, пахнувшая антисептиком и тоской. И Мира, казалось, начала это осознавать. Её взгляд скользнул по капельнице, приклеенной к тонкой, почти прозрачной руке, по трубкам, по мониторам. В глазах появилось что-то новое — не просто смятение, а паника. Глухая, беззвучная паника. Её грудь стала вздыматься чаще, на мониторе участился писк.

— Тихо, тихо, солнышко, всё хорошо, — женщина гладила её руку, но сама тихо тряслась.

Листаем дальше...

Глава 4.

В палату стремительно вошёл доктор Арсений Владимирович, невролог, главный проводник семьи по этому аду. За ним, запинаясь, следовал взбудораженный Олег Геннадьевич.

Врач был молод, но глаза его были уставшими, видевшими слишком много таких пробуждений.

Он подошёл к кровати, мягко, но твердо оттеснил Ирину Сергеевну, взял Миру за запястье, чтобы посмотреть на монитор.

- Мира, — сказал он чётко и спокойно. — Мира, ты слышишь меня? Ты в больнице. Ты попала в аварию. Сейчас ты в безопасности.

Его слова, как каменные плиты, падали в хаос сознания девушки, пытаясь создать опору.

Авария. Больница. Безопасность.

Мира перевела на него свой мутный взгляд.

- Поморгай, если понимаешь, — попросил врач.

Прошла вечность. Мира моргнула. Один раз. Медленно.

В палате повисло тихое, сдавленное рыдание Олега Геннадьевича.

- Хорошо. Отлично, — Арсений Владимирович позволил себе лёгкую, профессиональную улыбку. Он повернулся к родителям, которые стояли, обнявшись, как два корабля по-

сле штора. — Это выход из комы. Но это только начало очень долгого пути. Её мозг... Он был в долгом сне. Сейчас он просыпается, и всё будет восприниматься как агрессия: свет, звуки, даже наши голоса. Ей страшно. Ей непонятно.

- Она... она нас узнаёт? — спросила женщина, глотая слёзы.

- Возможно, ещё нет. Сознание возвращается фрагментами. Сначала — базовые реакции, ощущения. Память, личность — всё это может вернуться позже. А может... — он сделал паузу, выбирая слова. — Может вернуться иначе. Будьте готовы ко всему.

Мира снова застонала, пытаясь пошевелить головой. Это был жест протеста против беспомощности, против тяжести, против этой пытки пробуждения.

- Что нам делать? Как ей помочь? — отец девушки вытер лицо рукавом рубахи, пытаясь взять себя в руки. Он должен быть сильным. Теперь он просто обязан быть сильным.

Доктор повернулся к ним, становясь барьером между родителями и их страдающим ребенком, но барьером-проводником.

- Во-первых, тишина и полумрак ещё несколько дней. Никаких толп родственников, понимаете? Только вы двое, максимум. Её нервная система — как оголённый провод.

Ирина и Олег кивнули в унисон.

- Во-вторых, говорить нужно медленно, чётко, называть себя. «Мира, это мама. Я держу тебя за руку». Простые пред-

ложения. Никаких эмоциональных перегрузок. Она не выдержит ваших слёз счастья, для неё это сейчас боль и шум.

- Хорошо, — прошептала женщина, кусая губу до крови.

- В-третьих, и это самое главное, — врач посмотрел на них очень серьезно. — Не ждите, что вот она проснётся, и всё будет как раньше. Прежней Миры, которая ушла семь месяцев назад, возможно, больше нет. Ваша задача — не требовать от неё вспомнить, а помочь построить новую. С нуля. Как младенцу. Она может не помнить вас, язык, как двигаться, как глотать. Может быть агрессивной. Может плакать без причины. Это не её каприз. Это работа травмированного мозга.

Его слова висели в воздухе, тяжёлые и неумолимые. Конечно, родители Миры мечтали о том дне, когда она откроет глаза. Но они совсем не думали о том, что будет после.

— Реабилитация начнётся сразу, как только состояние вашей дочери стабилизируется. Сначала пассивная, потом... будем смотреть. Путь предстоит долгий. Это марафон, на который вы должны настроиться.

Мира издала новый звук - короткий, вопросительный. Она смотрела в окно, на клочок серого неба. Взгляд был уже не такой пустой. В нём была мучительная попытка думать

- Мама, — вдруг хрипло, невнятно, но чётко вышло у неё.

Ирина Сергеевна ахнула, как от удара, и припала к перилам кровати.

- Я здесь, доченька, я здесь!

- Не подходите близко, — мягко, но настойчиво остано-

вил её Арсений Владимирович. — Просто ответьте ей. Спокойно.

- Я здесь, Мирочка, — сказала женщина, сдерживая дрожь в голосе. — Мама здесь.

Мира смотрела на неё. В её глазах плавало смутное подобие узнавания, смешанное с животным страхом. Она снова закрыла глаза, как будто усилия были непосильны. Но её рука, та самая, что лежала в руке матери, слабо, едва заметно, сжала пальцы.

Это было не крепкое рукопожатие взрослой дочери. Это был хваткий, инстинктивный рефлекс новорожденного, впервые хватающегося за палец родителя.

Первое утро после долгой ночи началось. И оно было полно не радости, а тихого, выматывающего ужаса и бесконечной, хрупкой надежды. Дорога домой только показалась вдали. И она была усыпана острыми камнями.

Листаем дальше...

Глава 5.

Ещё четыре месяца спустя.

Мира.

- Смотри, Мира, новая коллекция у Valextra. Тот самый оттенок «пыльной розы», — голос мамы звучал, как бархатный указ, лёгкий, но не терпящий возражений.

Её каблуки, острые, как стилеты, отстукивали безупречный ритм по мраморному полу. Она была воплощением «небрежной элегантности»: белый костюм с кюлотами, волосы, уложенные в кажущуюся небрежную волну, сумка Kelly на сгибе локтя — не просто аксессуар, а символ статуса, заслуженного годами светских баталий.

Я стою перед зеркалом в примерочной, осторожно поворачиваясь. Вся моя прежняя одежда была велика. Ткани, когда-то так сексуально подчёркивавшие мои прелести, сейчас висели на хрупких костях, обтянутых почти прозрачной кожей. Строгие брюки держались на бёдрах, как мешок. Рубашка, когда-то облегавшая, теперь скрывала резкие контуры ключиц и слишком тонкие плечи.

Тяну палец, прикасаясь к своему отражению, к стеклу холодному и чужому.

Одиннадцать месяцев. Почти год, и моё тело будто чужое.

- Ну как, дочь? — голос матери звучит из-за занавески.
— Подходят?

Делаю глубокий вдох. Воздух торгового центра всегда был особенным: смесь кофе из соседней кофейни, новых тканей и легкой парфюмерной пыли. Он кружит голову, переполняя лёгкие после больничной стерильности.

Здесь расцветает жизнь — шумная, яркая, неудержимая.

Когда-то такая родная, теперь же — чужая и невыносимая.

Я хочу домой. Я не хочу здесь находиться!

- Не очень, — отвечаю маме, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Великоваты.

- Ничего, найдем твой размер. Выходи, померяем те, что я подобрала.

Спешно выскальзываю из вещей и надеваю спортивный костюм — это единственное, в чём сейчас комфортно и удобно, и выхожу из кабинки.

Мама тут же поправляет мой капюшон, взгляд её одновременно любящий и оценивающий — прямо как врач, наблюдающий за самым важным пациентом. Я вижу, что ей хочется сказать мне многое, прокомментировать мой выбор одежды.

- Ты хорошо выглядишь, солнышко. Цвет лица лучше. Но этот спортивный стиль, - её идеальное лицо без единой морщины немного кривится. Но ровно настолько, насколько это позволяет вколотый ранее ботокс. — Нужно понемногу возвращаться к прежнему стилю, Мира. Ты не можешь вечно ходить в этих... штанах.

Не спорю. Это бесполезно.

Двигаемся дальше, мимо витрин, где манекены застыли в изящных, невозможных позах. Осознаю, что этот мир стал слишком быстрым, слишком громким.

Мама терпеливо подстраивается под мой медленный шаг, болтая о пустяках: о том, что наш повар сегодня приготовит на ужин, о том, как сирень в саду сошла с ума и начала цвести поздней осенью.

Молча следую за ней, всматриваясь в лица людей. Все куда-то спешат, громко что-то обсуждая. Голова гудит от шума, а зарождающаяся боль сдавливает виски.

— Может, зайдём в «Кофе Хауз»? — предлагает мама, когда проходим мимо знакомого логотипа. — Ты же так скучала по нормальному капучино, — указывает в сторону элитной кофейни. — У них, кажется, есть тот веганский вариант, который ты любишь.

- Вообще-то, я бы поехала домой, мам, - умоляюще смотрю на неё.

- Милая, это ненадолго, к тому же пора вливаться в эту шумную и бурную жизнь. Ты и так достаточно пробыла в четырёх стенах... - на её глазах наворачиваются слёзы, и мне становится стыдно от того, что я, сама того не желая, стала их причиной.

- Хорошо, хорошо, мамуль. Идём, выпьем того вкусного кофе.

Киваю ей, и она сразу преображается. Улыбается, целует меня в щёку и тянет в сторону кафе.

И именно в этот момент, когда поворачиваю голову в сторону кофейни, мир резко перефокусируется. Моргаю быстро, пытаюсь понять, сон это или явь. И не сразу понимаю, потому что десятки раз представляла себе эту встречу.

Но, как оказалось, я не готова. Не сейчас.

У ближайшей стойки, ожидая заказ, стоит пара. Девушка с каштановыми волосами, собранными в небрежный, но идеальный пучок, смеётся, запрокинув голову. Её рука лежит на руке молодого человека. Он стоит ко мне спиной, но каждую клеточку этого силуэта — ширину плеч, изгиб шеи, даже то, как он чуть склоняет голову, слушая *мою близкую подругу*, — я узнала бы с закрытыми глазами, в темноте, после ещё ста лет комы.

Алексей Ковалевский. Мой бывший жених.

Мужчина, который вырвал моё сердце, растоптал его и, как ни в чём не бывало, пошёл дальше.

Как оказалось, в той страшной аварии пострадала только я. Алексей получил лишь несколько царапин, не требующих особого лечения. И, видимо, настолько обрадовался этому, что спустя несколько месяцев решил жениться. Только вот на сей раз невесту взял другую, выбрав более достойную мне замену. Более... дееспособную. Мою подругу.

Лёша ни разу не появился в больнице, не звонил, не объяснился.

«Мирочка, милая, Алексей женился несколько месяцев назад. Это всё, что мы о нём знаем», — с особой болью на

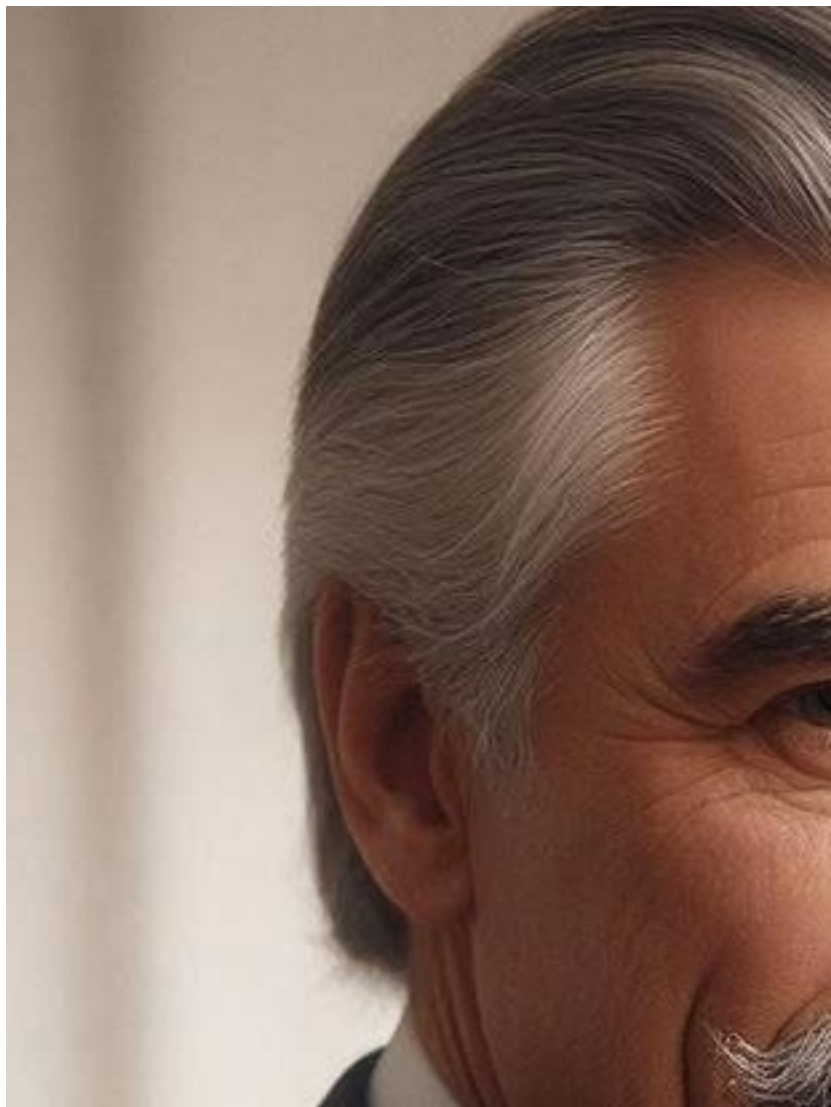
лице произнёс однажды папа.

Это была вся информация о человеке, которого я любила... Наверное ... Сейчас я уже и не понимаю. Не хочу верить в то, что я могла любить мужчину, способного на предательство.

Визуалы 1

Знакомьтесь, Мира Раевская, 22 года

Раевские - родители Миры: Олег Геннадьевич - депутат и общественный деятель, и Ирина Сергеевна - директор и основатель Благотворительного фонда.

Глава 6.

Сердце в груди не колотится — оно просто замирает, превращаясь в комок льда где-то в районе желудка. Воздух перестаёт поступать в лёгкие.

- Мира? Мирочка, что с тобой? — мама сразу же улавливает перемену, хватая меня за локоть.

Я стою как вкопанная, не в силах отвести глаз от воркующих голубков. Лёша оборачивается, говорит что-то бариста, и его взгляд, скользя по залу, натывается на меня.

Время распадается на сотню острых осколков. Вижу, как его глаза — те самые, глубокие, тёплые, в которых я когда-то тонула, — расширяются от шока. Наблюдаю, как мгновенно бледнеет его лицо. Смотрю, как его губы, когда-то зацелованные мною до дури, складываются в немое «о, Боже».

А потом его взгляд переходит к его спутнице.

К Владе. Моей Владе. Лучшей подруге, которая в первые недели после аварии звонила моим родителям каждый день. А потом внезапно пропала. И как, скажите, верить после этого в женскую дружбу?

И пусть я провалюсь прямо здесь, но я и смотреть на них не могу, не то что разговаривать.

Девушка, следуя взгляду своего мужа, оборачивается. Её улыбка, широкая и беззаботная, гаснет не сразу. Она, как в замедленной съёмке, сменяется замешательством, затем ис-

пугом, а потом — стремительной, яркой волной краски, залившей щёки. Её рука крепко сжимает руку Ковалевского, но он, кажется, даже не чувствует этого.

Я же стою словно парализованная. Чувствую дрожь в коленях и крепкую, спасительную хватку материнской руки на своем локте.

Я для них призрак в слишком просторной одежде, незваное напоминание о прошлом, которое они, видимо, уже похоронили.

Алексей делает шаг вперёд, затем останавливается. Его лицо — словно маска из вины, растерянности и какого-то жалкого ужаса.

- Мира... - до боли знакомый голос доносится сквозь шум в ушах. Он звучит хрипло, инородно. — Ты... ты выписалась?

Это наша первая встреча с ним после аварии.

Глупый, беспомощный вопрос. Даже не «Как ты?», не «Я рад, что ты на ногах». Констатация факта, которую он, оказывается, даже не потрудился узнать.

- Да, - выдыхаю, стараюсь держаться из последних сил. Собственный голос кажется тонким, как паутина. — Несколько месяцев назад.

Тягостная пауза осязает, между нами. Мама старается не вмешиваться, но по её усилившейся хватке на моей руке, чувствую, как её распирает от злобы.

Влада же всё это время, опустив глаза, изучает узор на

плитке. Потом наконец поднимает взгляд, в котором отчётливо видна паника, мольба и что-то еще — стыд? А затем быстро собирается и выпрямляется.

- Мира, привет. Мы... мы так переживали. Ты отлично выглядишь.

Врёт.

Ложь виснет в воздухе густым, удушающим облаком. Я точно знаю, что «отлично выглядит» здесь уж кто угодно, но только не я. Только не в этом спортивном костюме оверсайз.

На секунду начинаю жалеть, что не согласилась на мамин уговоры купить себе что-нибудь стильное...но лишь на секунду. Потому что пошли они...оба!

Да, сейчас я такая. И мне плевать на их мнение, пусть обсуждают сколько угодно мой внешний вид, а они будут, я уверена.

Я выгляжу как выжившая.

И они «переживали», но ни разу за эти месяцы не навестили меня. Ни одного звонка. Ни одной смс. Вычеркнули меня из своей жизни.

«Переживали». Вместе.

Мама, державшаяся всё это время, наконец начинает говорить. Её голос, обычно мягкий, звучит строго и холодно, как хирургический скальпель.

- Алексей, Влада. Как неожиданно. Давно тебя не видела, Лёш.

Ковальский сглатывает, его горло дёргается. Он не смот-

рит на маму, его взгляд прикован ко мне. Он будто пытается найти во мне ту девушку, которую знал.

- Я... у меня были дела... работа... — начинает бессвязно.

- Ясно, — отрезает мама, не давая договорить. — Мира, пойдем. Ты устала.

Это было правдой. Внезапная, сокрушительная усталость накатила на меня, тяжелее любого физического недуга. Все кости, все мышцы просили лечь и не двигаться, снова провалиться в небытие, где нет боли, нет предательства, нет этой картины — его рука в её руке.

Но я по-прежнему стою, не двигаясь с места. Смотрю в когда-то любимые глаза, и вдруг толстый лёд в груди трещит, уступая место странному, пронзительному любопытству.

- А когда вы начали встречаться? - спрашиваю тихо. - Пока я спала?

Влада ахает, словно её ударили. Лёша закрывает глаза на секунду.

- Мира, это не так... всё было сложно... — бормочет.

- Нет, — перебиваю. Мой голос крепкий, он вдруг обретает твёрдость. — Всё очень просто: я лежала в больнице. Ты не пришел. Ни разу. А вы были заняты чем-то другим. Все очень просто.

По щеке подруги одиноко скатывается слеза.

Какая-то часть внутри меня, раненая, наивная, ждала, что он отстранится, оттолкнет её, подойдет ко мне... как раньше... Ведь это всё неправильно!

Но Лёша не делает ни шага. Он просто стоит, сражённый моей прямоотой, неспособный ни на слово оправдания, ни на движение.

И в этот момент я понимаю: я выжила не для этого. Я заново училась ходить, дышать, жить — не для того, чтобы стоять здесь, в проходе торгового центра, и ждать объяснений от человека, для которого мои страдания стали лишь неудобным фоном для его новой жизни.

Медленно перевожу взгляд с него на неё. На подругу, которая знала, как я бредила его именем, любила, мечтала.

- Желаю вам счастья, - искренне желаю. И это не ирония. Это прощание. С ним. С ней. С той версией себя, что могла бы разрыдаться или закричать. Эта версия, видимо, так и не вышла из комы.

Поворачиваюсь к маме и чувствую, как крепко сейчас она обнимает меня за плечи.

- Пойдём домой, — говорит, и голос её снова становится мягким, тёплым.

Мы уходим прочь, оставляя за спиной гнетущее молчание пары у кофейной стойки. Я не оборачиваюсь.

Вдыхаю всё тот же воздух — кофе, новую кожу, парфюм. Но теперь в нём чувствуется иная нота. Нота свободы. Горькой, выстраданной, но свободы.

Боль от предательства никуда не делась, она сжигает изнутри. Но вместе с ней приходит и другое чувство — хрупкое, как первый шаг после долгого лежания. Это чувство,

что самое тяжелое позади. Что я пережила не только аварию и кому. Я только что пережила ещё одно падение. И снова встала на ноги.

Мама молчит, навверняка предоставляя мне пространство и время. Я же иду, глядя прямо перед собой, ощущая под ногами твёрдый, устойчивый пол реального мира, в котором мне предстоит жить дальше.

Без него. И, возможно, это даже к лучшему.

И только сев машину, я осознаю весь ужас произошедшего. Меня трясёт так, что зубы начинают стучать, а руки дрожать.

Слёзы вырываются нескончаемым потоком, и я начинаю кричать. Я вою, словно раненый зверь. Скулю, бьюсь в родных материнских объятиях, что пытаются успокоить мою разбредившуюся душу.

И обещаю себе, я зарекаюсь: больше никогда... Никогда и никому не поверю...

Глава 7.

- Вы продаёте бабушкин дом? – тихо спускаюсь по лестнице, собирая волосы в высокий хвост. После сегодняшнего не совсем удачного похода по магазинам мне понадобилась доза успокоительного и несколько часов крепкого сна.

Проснулась я, как оказалось, очень даже вовремя. Мои родители решили продать дом, с которым меня связывает очень многое.

- Милая, ты почему не спишь? – неловкое молчание воцаряется в гостиной, словно я стала невольным свидетелем секретной информации.

- Спустилась попить воды.

Папа, всё ещё держа в одной руке телефон, другой устало трёт веки. Он, по-видимому, только вернулся с работы и ещё не успел переодеться: на нём белая рубашка и брюки, пиджак же отброшен в сторону. Свободной рукой он расслабляет галстук, оттягивая его в стороны.

- Да, Мира, дом нужно продавать. Уже почти год прошёл, – мама тяжело вздыхает.

Она полулежит в глубоком кресле у окна, за которым уже потонул в синеве спускающийся к реке сад. Платье — тяжёлый шёлк цвета увядшей розы — мягко струится по её усталой позе. Мама делает единственное движение - медленное, почти ритуальное поднятие тонкостенного бокала к губам.

Пузырьки шампанского, тихие и неспешные, поднимаются со дна, лопаются у поверхности, выпуская аромат зелёного яблока и миндаля.

- Зачем? Не нужно! Это же... Этот дом... Я ведь всё детство там...

- Милая, не драматизируй...

Я не понимаю, почему, но именно сейчас эта идея для меня кажется катастрофой вселенского масштаба.

Тонкое кольцо с сапфиром тихо звякает о хрусталь. Мама снова вздыхает — глубоко, бесшумно. И снова поднимает бокал, закатывая свои аристократические глаза.

- Этот дом уже давно требует ремонта, вложений, и лучше продать его сейчас, чем тогда, когда он не будет стоить ровным счётом ничего. Зачем нашей семье эта мёртвая недвижимость?

Каждое слово врезается осколком в моё и без того ещё не зажившее сердце. Да что ж за день-то такой?

Сколько потрясений, сколько всего произошло, пока я спала?

Родители хотят выставить на продажу дом бабушки. Место, где я так любила бывать. И последний раз, когда это случилось...

Пытаюсь вспомнить, как давно я не была там? И не могу. Напрягаю память, хмурю брови... Тяжело дышу, раздувая ноздри. Ничего не выходит... Не может быть! Я ничего не помню...

Снова провал...

Сколько ещё потрясений я должна пережить? За что мне всё это?

Бабушка умерла через несколько недель после аварии, и я даже думать не могу о том, что я могла быть причиной...

- Милая, что с тобой? – чувствую, как папа бережно обнимает и усаживает на диван. Ладонями стирает слёзы со щёк, что снова льются градом.

- Я... Я не знаю.

- Нужно обязательно посетить того врача, что рекомендовала Людмила, - закидывая ногу на ногу, мама выдаёт вердикт.

- Какого врача?

- Психолога.

- Ирина!

- Что? – почти шипит мама на разъярённого папу.

Они переговариваются и переглядываются, словно меня тут нет. Словно уже всё решили за меня.

- Мы с тобой уже говорили об этом, да и Арсений Владимирович расписал полностью всё лечение и реабилитацию для Миры.

- Так я же не против, Олежа. Но психолог...

- Так все! – нервы отца не выдерживают, и он повышает тон своего голоса.

- Я хочу пожить там! – выкрикиваю, перебивая их споры.

Родители замирают и резко прерывают спор. Две пары

родных глаз смотрят на меня, как на сумасшедшую, хотя стойте, может, я действительно того?

- Г-где, - заикаясь, мама даже отставляет свой бокал в сторону. Зелёная оливка соскальзывает с её рук и падает на пол.

- В Камышах*. Я хочу поехать туда.

- Хм, дочь... - мама громко сглатывает, в её глазах читается шок. И я её даже где-то понимаю. Она, конечно же, не ожидала такого от своей послушной и всегда идеальной дочери. Ну, потому что, где статус дочери депутата и директора Благотворительного фонда, и где *то* место, куда я хочу отправиться.

Явно не в деревне под незатейливым названием Камыши.

Смотрю на папу, ища в его глазах поддержку. Он внимательно изучает моё лицо и лишь разочарованно мотает головой. Отлично.

Но, даже это меня уже не остановит. Я решила.

- Но там... Там же нет цивилизации! Там...там даже люди уже не живут, все нормальные и адекватные давно уехали оттуда... Господи, Мира, там же нет... Уборной комнаты, и твоего любимого джакузи тоже нет! Там же эта... – переводит взгляд на папу, щёлкая пальцами, ожидая помощи. – Печка! Которую топят дровами! - мамины тонкие плечи передёргиваются, и она вся вздрагивает, показывая, насколько эта тема для неё неприятна.

- Туалет давно установлен, а печкой никто не пользовался уже лет десять! - папа резко встаёт и идёт к бару. Нерв-

но открывает первую попавшуюся коллекционную бутылку виски и наливает себе. Делает первый глоток, не морщась, и тянется за льдом.

- В доме установлен газовый котёл отопления, если бы ты хоть раз проявила интерес и съездила туда, сама бы убедилась в этом!

- Олег, я прошу тебя! Сейчас не об этом! Я про то, что там нет жизни... Там давно всё вымерло!

- Отлично! - быстро подхватываю. - То, что мне нужно!

Мама скептически кривит лицо:

- Что, прости?

- Уединение! То, что мне нужно. Хочу побыть одна, подумывать о жизни, о людях...

- О-о-о, дорогая, зачем же всё так усложнять! К тому же ты хотела снова взяться за свою диссертацию, помнишь? Дочь, послушай, давай поступим так: ты поспишь, отдохнешь, а завтра мы поедem в салон к Лерочке, приведём в порядок твои волосы, ногти, кожу... Она сделает укольчики где нужно, массаж...

- Мам! – прерываю бесконечный поток слов. - Я не хочу отдыхать! Мне не нужны укольчики! Как ты не понимаешь?

Взрываюсь и соскакиваю. Кричу, жестикулируя руками. Выговариваю всё то, что накопилось внутри, выпуская боль из себя.

- Я семь месяцев спала непробудным сном... Из-за этой проклятой аварии я не увижу больше любимую ба! Мне не

нужны сейчас ногти! Мой жених предал меня! Я ничего сейчас не хочу! Мне жить в этом доме тошно! Он приходил сюда, просил моей руки, сидя прямо вот на этом диване! – тычу пальцем как раз на то место, где сидит мама.

Она брезгливо отодвигается подальше, а я набираю воздуха побольше и продолжаю: – Я думала, это на всю жизнь, мам, понимаешь? – последнее слово шепчу надрывно.

Вскрываю кровоточащие раны, сдирая зажившую корку. По-другому сейчас не могу. Перепуганные лица родителей говорят о том, что только сейчас они начинают понимать моё душевное состояние.

- Дочь, мы ни в коем случае не давим... Мы с мамой всё понимаем. Но скажи мне лучше, ты действительно готова переехать жить в деревню? Одна? А как же должность в аппарате, я ведь уже договорился?

- Да, – да, да, да! Это именно то, чего я хочу! К чёрту эту должность! К чёрту эту жизнь!

Не видеть, как ругаются родители, не думать о том, что где-то случайно могу встретить его и её. Боже, я даже Тоню и Марго видеть не желаю после всего этого. Они ведь наверняка всё знали. И ни одна из них даже словом не обмолвилась!

- Я поживу немного там, пока... Пока всё устаканится. А должность можешь отдать кому-нибудь другому, пап. Уверена, желающих хоть отбавляй.

- Мира, – его глаза вопросительно меня изучают, не веря моим словам. Ну да, не каждый день отказываются от долж-

ности сопредседателя парламентской комиссии.

— Это действительно то, чего я хочу. Уединения, спокойствия. И, пожалуйста, не останавливайте меня! Я снова займусь диссертацией, возьму всё необходимое и буду писать, — под шокированное хлопанье маминых глаз и папин открытый от удивления рот, разворачиваюсь и бегу вверх по лестнице.

Вот так спонтанное решение, принятое в эмоциональном порыве, помогает немного отвлечься. Всю ночь я собираю коробки, чемоданы. Тщательно складываю и упаковываю всё самое необходимое. Самое важное.

Составляю план. Расписываю всё по пунктам, стараясь ничего не забыть. Всё, как советовал доктор.

Так будет лучше в первую очередь для меня.

«Это ненадолго», - уверяю себя и под утро проваливаюсь в глубокий сон прямо на одном из открытых чемоданов.

*Автор ни в коем случае не хотел обидеть или задеть чувства жителей одноимённой деревни (а их, к слову, несколько). В данном контексте описываются субъективные мысли человека, которые не поддерживает главная героиня.

Глава 8.

Решение переехать и пожить немного в том самом доме, где никого не было уже как десять месяцев, за несколько дней лишь сильнее укореняется в моём подсознании. Вещи собраны, сумки упакованы, коробки с любимыми книгами, перевязанные скотчем, скромно ждут своего часа.

- Я вызвал клининг, так что перед нашим приездом там будет всё чисто.

- Зачем, пап? Я бы сама...

- Сугробы высотой с тебя ты бы тоже сама?

М-да, об этом я как-то не подумала. Зима же, Новый год на носу. А в Камышах зимы всегда были суровые. И снег там - частое явление, не то что в нашем городе.

Несдерживаемый смешок вылетает из меня, пока я представляю, как из соседних домов с ужасом наблюдали всю эту картину. Зная папу, там без шума явно не обошлось.

- Соседские бабушки, наверное, посмеялись от души!

- Там уже давно и нет никого поблизости. Только бабка Нюра осталась. Её дом через дорогу. Это почти окраина. Остальные дома чуть дальше, за озером. Я уже и не припомню, кто там сейчас живёт: кто-то уехал, кого-то похоронили, - папа тяжело вздыхает, явно вспоминая что-то.

- Мира, дочь, я прошу тебя, если вдруг тебе станет плохо, скучно, одиноко или ещё что, ты сразу же звонишь мне,

обещай!

- Обещаю, папуль.

Он хмурится, допивая свой кофе.

- Мне всё равно не нравится эта идея.

- Папуль, всё ведь уже решено, – он лишь задумчиво кивает и просто обнимает.

- Мама не поедет с нами, ты же знаешь, это не её место.

- Угу,- соглашаюсь молча. Утыкаюсь носом в его широкую и такую родную грудь. Не спорю.

Мама никогда не любила это место и до последнего пыталась увезти оттуда бабушку, но та никогда не соглашалась.

«Это моё место силы, здесь моя жизнь», - так она отвечала каждый раз, когда мама упрашивала её переехать.

Бабушку похоронили в Камышах. Пока я «спала». Сердце бабушки перестало биться практически сразу после аварии.

В груди всё сжимается от боли и понимания того, что я уже никогда не увижу её. На глаза наворачиваются слёзы, и я часто сглатываю, пытаюсь унять душераздирающие эмоции.

- Знаешь, что успокаивает меня во всей этой истории? - отрываюсь от папы и вопросительно смотрю в глаза.

- То, что Камыши в нескольких часах езды отсюда, и в любой момент, Мира, только попроси, и я буду там!

- Договорились.

А на следующее утро, попрощавшись с мамой, которая пообещала забрать меня через неделю, и упаковав полную машину вещами, мы с папой выдвигаемся в путь.

И чем дальше мы отъезжаем от дома, тем более уверенной я себя чувствую. А через несколько часов и вовсе расслабляюсь настолько, что периодически проваливаюсь в сон.

Дорога в Камыши петляет между заснеженных полей, словно нить, соединяющая прошлое и настоящее.

Внимательно всматриваюсь в окно машины, любясь бесконечными сугробами и редкими огоньками. Папа едет спокойно, не торопясь, периодически украдкой поглядывая то на меня, то снова на дорогу, где крупные хлопья снега заматают всю видимую зону.

- Ты уверена, что хочешь встретить Новый год одна? — осторожно спрашивает уже на подъезде к деревне. — Мама собирает гостей, думаю, она будет расстроена, если тебя не будет.

- На новый год приеду! Немного обживусь и приеду. А может, вы в Камыши? М-м? Пап, ты только представь: дом, ёлка во дворе, чистый воздух, баня...

Он кивает, понимая больше, чем может выразить словами. Машина сворачивает с асфальта на укатанную снегом дорогу, ведущую к бабушкиному дому.

- Я бы с радостью, но ты же знаешь, мама не захочет.

Деревня встречает нас тишиной, какой не бывает в городе. Тишиной, в которой слышно собственное сердцебиение. Камыши утопают в снегу, а из труб домов поднимаются ровные струйки дыма.

Бабушкин дом стоит на окраине, за высоким кирпичным

забором, который издали едва виднеется из-под снежных шапок.

Папа выключает двигатель, и тишина обрушивается на нас.

Выхожу из машины, оглядывая двор и дом, немного теряясь. Сколько лет я здесь провела, когда была маленькой?

Тяжёлое чувство тоски нагнетает воспоминания, и я вздрагиваю. Вдыхаю чистый и свежий морозный воздух. Пытаюсь взять себя в руки. Папа осторожно обнимает за плечи и подталкивает вперёд.

- Ну, посмотрим, насколько тебя хватит, - вижу, как он по-доброму улыбается и уходит первым в дом.

Два этажа под высокой тёмно-синей крышей из металло-черепицы, которая блестит на солнце. На окнах - резные наличники, выкрашенные в белый цвет. Они будто аккуратные рамки для картин. С боку к дому пристроена веранда со стеклопакетами, а на ней – плетёные кресла и стол, готовые к вечерним чаепитиям.

Дом, несмотря на то что пустовал почти год, встречает нас сухим теплом и знакомым запахом — смесью старого дерева, сушёных трав и чего-то неуловимо бабушкиного. Провожу рукой по резным наличникам в прихожей, и память накрывает лавиной воспоминаний: бабушка на кухне печёт блины, за окном лето, а я, десятилетняя, бегу через двор к озеру.

— Большое спасибо, папа, — обнимаю его, и впервые за последние недели чувствую, как сжатые внутри эмоции на-

чинают понемногу отпускать.

Глава 9.

«Это моё место силы»...

Вспоминаю слова бабушки.

Папа запускает отопление, прогревая постепенно все комнаты, и через полчаса в доме становится действительно тепло.

Помогает разгрузить мои коробки, заносит чемоданы. А потом мы садимся пить вкусный мамин чай с облепихой и нежнейшим меренговым рулетом.

- Нужно будет немного закупиться, - оглядывая кухню, папа внимательно присматривается к полкам.

- Угу, я завтра же этим займусь, папуль.

- Я пришлю Николая, он привезёт всё самое необходимое. Связь тут не особо хорошая, – папа хмурится, ругается сквозь свои усы. Смотрит на свой телефон, тыкая на все кнопки подряд.

- Так даже лучше, мне некому звонить и писать, - а когда ловлю обеспокоенный взгляд на себе, тут же отвечаю: – Вам буду, - поднимаю руки вверх ладонями. – Обещаю!

Папа остаётся до самого вечера, помогает по дому, объясняя и рассказывая всякие деревенские байки. Мы вспоминаем времена, когда этот дом был полон людей, особенно по праздникам и особенно на Новый год. Проверяет замки и окна, объясняет, как затапливать баню и, наконец, уезжает.

Смотрю на след, оставленный от шин его автомобиля, а затем на дом, в котором уже везде горит свет, он словно ожил. И в этот момент понимаю, что ни капельки не жалею о своём решении. Впускаю в себя новую энергию, расправляя плечи, прикрываю глаза на секунду.

Рассматриваю соседние дома: кое-где горит свет, а где-то темнота. Из-за высокого забора мне приходится встать на цыпочки и вытянуть с любопытством шею вперёд, чтобы заглянуть на соседскую территорию. Нечищенные сугробы в ограде говорят о том, что дом наверняка давно пустует. Улыбаюсь про себя — это даже к лучшему. Никого не хочу видеть.

С удовлетворением вдыхаю и осматриваюсь вокруг. Двор действительно большой — когда-то здесь был и огород, и цветник, и даже небольшая пасека бабушки. Теперь же всё покрыто ровным белым покрывалом, на котором синими тенями ложатся отблески заходящего солнца.

Усталость накатывает волной — не физическая, а та глухая, проникающая в кости, которая накапливается месяцами.

Чуть позже затапливаю баню. Электрический подогрев работает бесшумно, наполняя парную мягким теплом. Сидя на деревянной полке и слушая завывание ветра снаружи, пожалуй, впервые за долгое время чувствую своё тело — не как оболочку для боли, а как живое, дышащее существо. Пар очищает не только кожу, кажется, душа моется вместе с те-

лом, чистится от всей грязи, в которой пришлось испачкаться.

Тщательно намываюсь, ополаскиваюсь, обливаюсь прохладной водой из деревянной кадучки — резко, с головой, чтобы смыть остатки дорожной пыли и первой растерянности. Вода кажется мягкой, колодезной, пахнувшей чуть металлом и глубиной. Вытираюсь, промакивая волосы полотенцем. Кутаюсь в тёплый махровый халат, обуваю дутики на ноги, накидываю длинный пуховик и быстро бегу в дом.

Там уже передеваюсь в тёплую пижаму, включаю расслабляющую музыку, готовлю себе лёгкий ужин.

Мажусь кремами, и вдруг вспоминаю, что забыла любимую расчёску в предбаннике.

Снова возвращаюсь в баню, по дороге несколько раз поскальзываясь. Припеваю свою любимую песню, уже представляя, как сейчас лягу в тёплую постель с самой мягкой периной, укутаюсь любимым пледом и буду читать книгу, которую начала ещё в городе.

Пар, выходящий из помещения, заставляет прищуриться, и я в попытках прогнать его размахиваю рукой перед лицом.

Что за чертовщина? Я же отключала паровую. Отключала же?

Но ответить самой себе не успеваю, так как воздух немного проясняется, и перед моими глазами предстаёт мужская фигура.

Он стоит ко мне спиной, полностью голый, и я зачем-то

обращаю внимание на его задницу. Накаченную и, наверняка, твёрдую, как орех.

Глаза распахиваются, рот тоже. Мне становится невыносимо жарко, и это вовсе не от того, что я нахожусь в душной бане, одетая в зимний пуховик. Запах древесины, нагретой до предела, и душистым паром от веника заполняет ноздри.

Дышать постепенно становится легче. Жар перестаёт быть врагом, превратившись в плотную, почти осязаемую среду.

Мужчина, чуть наклоняясь, берёт веник. Листья берёзы, распаренные, кажутся шелковистыми и нежными. Первый удар приходится по плечам. Он ритуальный, отстранённый. Второй — уже осознанный. И с каждым лёгким хлёстким касанием по спине, ногам, рукам, словно выбивается что-то гнетущее.

Замираю и прекращаю дышать, когда фигура вдруг начинает двигаться. Мощные руки поднимают огромный чан с водой над головой, и мощный поток воды обрушивается на этого Аполлона.

Что-то течёт по моему подбородку: слюна или капельки пота? Надеюсь, второе. Громко ахаю, и фигура вдруг резко разворачивается.

Охренеть! Что я говорила про задницу?

Забудьте, она здесь далеко не самая выдающаяся деталь, от которой невозможно отвести взгляд. Что я и делаю. Рассматриваю каждую деталь, каждую венку. Он...он большой! И это он ещё не в полной боевой готовности! Слегка накло-

няю голову, углубляясь в своё познавательное исследование. Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз видела мужской половой орган?

- Нравится?

И только когда поднимаю глаза, понимаю, что мужчина, несколько не смущаясь своей наготы, расслабленно стоит и улыбается.

Его глаза сверкают, наглая ухмылка оголяет ровный ряд зубов, а тёмная, заросшая борода покрывает почти половину его лица.

Он даже не смутился! Тогда как я, наверное, стою перед ним красная, как варёный рак!

Нет, нет, нет... Я сейчас не готова к такому! Никаких мужчин!

Моргаю несколько раз, перевожу взгляд на полку, где лежит та самая розовая расчёска, быстро хватаю её и, как ошпаренная, выбегаю из душевой комнаты.

Пересекаю двор за считанные секунды.

Не бегу, лечу.

Закрываю за собой дверь на замок и, пытаюсь успокоить колотящееся сердце, прижимаюсь к деревянному полотну, прикрывая глаза.

Что. Это. Сейчас. Было?!

Дорогие мои, приглашаю вас в мой телеграмм канал, Нина Харт - Автор. Группа в ВК - Нина Харт_автор, там много всего интересного).

Глава 10.

Всю ночь я плохо сплю. Ворочаюсь с бока на бок, пытаюсь в очередной раз провалиться в тревожный сон. А он действительно такой, потому что каждый раз, когда мои глаза закрываются, передо мной появляется Он.

Голый. Бородатый. С наглой ухмылкой.

И пара... Сколько много пара вокруг него. Всё в белой, густой дымке, от которой пот струится по коже.

Нет, голого мужчину я, конечно же, видела, я уже далеко не невинная девушка. Но сейчас... после того, как практически вернулась с того света, всё словно обнулилось, поменялось, всё воспринимается по-новому: я будто заново знакоплюсь с самыми естественными вещами. И каждый раз эмоции поглощают на столько, что я не управляю ими, я не владею собой.

Под утро, когда первые солнечные лучи начинают пробираться сквозь плотные шторы, отключаюсь и просыпаюсь уже в двенадцатом часу дня.

Первым делом проверяю двери, они, слава Богу, закрыты. Ключи висят точно так же, как я и оставила их вчера.

Это немного успокаивает. Значит, Аполлон не грабитель. И не пытался проникнуть ночью в мой дом.

Но что в таком случае этот незнакомец делал в моей бане?

«Как что? Мылся человек!» — отвечает внутренний голос,

и мне хочется стукнуть себя по лбу.

Нервно хихикаю, представляя реакцию мамы, если бы она узнала об этом. О, нет, она не узнает! Ни за что!

Быстро заправляю постель, умываюсь, завариваю чай, принимаю утреннюю порцию таблеток. А когда допиваю, решаю всё же пойти и проверить парную.

Днём всё выглядит не так страшно, и моя уверенность смело ведёт прямо к выходу.

Морозный холодный воздух встречает приветливо, солнце настолько яркое, что, глядя на землю, полностью припорошенную снегом за ночь, глаза начинают слезиться.

Оглядываясь по сторонам, осознаю, что всё вокруг точно такое, как и было вчера. Из труб соседних домов через дорогу валит дым, где-то лают собаки, но даже несмотря на это, в воздухе ощущается тишина.

Покой. Умиротворение. Ммм...

Вдыхаю полной грудью это состояние природы, которое можно уловить только в сельской местности, и расправляю плечи.

Смотрю на соседский дом. Он, кажется, пустует. На окнах плотные шторы. А в ограде сугробы такие, что даже я могу в них потеряться.

Кто там жил? Вспомнить бы... Бабушка как-то рассказывала: семья вроде с ребёнком. Напрягаю память, но ничего не могу вспомнить.

Немного вздрагиваю и разворачиваюсь в сторону банной

пристройки. Внутри, естественно, никого. Пусто. Все вещи лежат на тех же местах, где я и оставила их вчера: мой шампунь, кондиционер, маска для волос...

Внимательно рассматриваю комнату, вдыхаю приятный древесный аромат.

А может мне всё это причудилось? Сомнения прокрадываются в голову: был ли мужчина? А может, это последствия долгого пребывания в медикаментозном сне? Побочка?

Нет... Я же видела...

Выхожу из ограды в полном недоумении, натягиваю шапку на уши, волосы развеваются на ветру, изо рта идёт пар. Снег приятно хрустит под моими ногами, и я направляюсь в дом, что через дорогу.

Бабушка Нюра, сколько её помню, всегда была милым божьим одуванчиком. С бабулей они были очень дружны, что уж, я и сама очень часто бывала у неё в гостях. Когда была маленькая. Вспомнит ли она сейчас меня?

Быстро пересекаю дорогу и прохожу через двор в старенький, но очень красивый дом. Двери приоткрыты, и я без труда попадаю внутрь. Приятный запах печёных булочек сразу же заставляет желудок урчать, и я прикрываю глаза. Вспоминаю, как пахло и у бабушки. Точь-в-точь.

- Ванечка, ты?

Открываю глаза, хочу сказать, что это я, Мира, но не успеваю.

- Ах? Господь... Всемогуший! – первое, что замечаю, –

бабушка Нюра постарела. Очень.

Второе - она узнала меня. Старушка стоит на пороге и, прикрыв ладонями рот, смотрит прямо на меня.

- Мира?!

- Здравствуйте, – смотрю на неё и вспоминаю бабулю. Слеза катится по щеке, и я её смахиваю. Улыбаюсь сквозь боль.

- Внученька, - тёплые нежные руки обнимают и притягивают к себе. - Деточка, что же ты?! Как ты здесь?! Давно?! – охает и причитает, то целуя меня в щёки, то обнимая.

- А я ведь вчера ещё видела: горит свет в доме моей Любушки! Неужели, думаю, продал Олежка хату? А нет, вижу, не продал.

- Нет, не продал. Я решила, что сама хочу пожить немного... Здесь...

Морщинистые ладони нежно гладят мои щёки, пальцы стирают дорожки слёз.

— Вот и правильно, девонька. Вот и молодец. Слышала про тебя, что пережила ты знаю, всё знаю, милая... Ты одна иль с женихом своим?

Прикусываю язык, чтоб глупость не сморозить. Не всё бабушка знает. Оно может и правильно.

- Нет, бабушка, одна. Дела у него. В городе. Важные, - вижу по нахмуренным бровям, что не верит, но всё равно продолжаю нагло врать. Ну не говорить же мне ей, что Алексей бросил меня, и женился на моей лучшей подруге?

– Важные дела. Очень.

- Хм, понятно. Что уж, дела так дела, - разводит руки в стороны. – Ой, да что же мы стоим-то? Пойдём чай пить, я как раз напекла пирогов с картошкой, капустой, с мясом... Как знала ...борща наварила с квашеной капусткой.

Честно говоря, от пирожков я бы сейчас не отказалась, поэтому с удовольствием иду за ней на кухню. По пути стягиваю одежду и бросаю на одиноко стоящее кресло.

- Вообще, я с удовольствием. Может, помочь вам?

- А? Нет, ты садись, садись, милая. Отдыхай, сейчас всё будет. Голодная, небось, что вы там, молодёжь, нынче кушаете? Одни эти ваши диеты! Ты это правильно сделала, что приехала, внученька, я тебя откормлю! Вон щёки впали-то как! Что вы там в городе своем едите-то? Химию одну, дышите всякой гадостью! Ой-ой, сколько не виделись-то?

Сглатываю горький ком вины. Последний раз, когда я приезжала в Камыши - это было...было...

- Пять лет прошло.

- Ох-хо-хо, многовато!

- Да...

Передо мной ставится огромная чаша с пирогами и горячий травяной чай, судя по запаху, со смородиной и мёдом.

- Спасибо.

- Ты ешь, ешь, милая! Потом благодарить будешь.

Бабушка садится рядом, и мы пьём чай. Разговариваем, вспоминая прошлое, смеёмся, порою с трудом сдерживая

слёзы.

- Сейчас, милая, я тебя вареньем угощу ещё, земляничным, сама собирала.

- Да вы сидите, баб Нюр, не нужно!

- Как это? Я сейчас, а ты жуй давай, не отвлекайся.

И я жую. Кажется, что сейчас лопну. Признаться честно, готовить я не особо умею, дома всегда этим занимался повар, а после аварии мама вообще не подпускает меня ни к чему. Но здесь придётся всё же как-то научиться, хоть чему-то.

Бабушка выходит из кухни, а я задумываюсь, уходя мыслями в себя. Допиваю вкусный чай, как вдруг дверь распадается, и на пороге появляется парень. Он, по-видимому, тоже не особо ожидал увидеть меня здесь, потому как его растерянный взгляд и приподнятые брови прямо-таки кричат об этом.

И это, нужно сказать, заставляет меня застыть на месте.

С набитым ртом резко прекращаю жевать. Выгляжу, наверное, как хомяк с орехами за щеками, отчего их тут же заливают румянец.

Первое, что хочется понять, — это когда он успел сбрить бороду?

И второе, что осознаю, – Аполлон всё же существует!

Вот он, из плоти и крови, прямо передо мной!

Живой, настоящий!

Глава 11.

- Иван! Вернулся! - баба Нюра внезапно выплывает из кладовой с трёхлитровой «баночкой» варенья и, похихикивая, с характерным звоном ставит её на стол.

- А у меня гостя! Вот, чаи распиваем. Да ты садись, садись, Вань! Я и тебя сейчас накормлю!

Пока почти двухметровый Ванечка продвигается по кухне и присаживается рядом со мной на диванчик, расставляя свои огромные ноги в стороны и при этом намеренно задевая меня, я быстро отмечаю про себя, что без бороды он выглядит на несколько лет моложе.

Непроизвольно смотрю на его мощные бёдра, обтянутые брюками карго цвета хаки, и зачем-то поднимаю взгляд выше, упираясь прямо в промежность.

И тут я вспоминаю... Щёки начинают пылать, а я - задыхаться. И как мне теперь это развидеть?

Едкий смешок прерывает грешные мысли, и я наконец поднимаю голову, чтобы наткнуться на прищуренные карие глаза.

Точь-в-точь как у меня! Ну надо же, какое совпадение! Этот нахал вальяжно расселся, разбросав свои могучие руки по спинке дивана. На красном от мороза лице играет улыбка, когда он вдруг подмигивает. Он подмигивает мне!

- Вчера не всё разглядела? – слегка наклоняется и шепчет

почти в лицо.

Смотрю, как наглая улыбка растягивается ещё шире, обнажая ряд идеально ровных зубов. Красивая, отмечаю про себя. И эти милые ямочки на щеках.

М-да, без бороды он совсем молодой паренёк. И выглядит привлекательнее. Но ему не обязательно об этом знать.

Возмущённая его словами, фыркаю, недовольно отодвигаясь подальше и наконец набираю полные лёгкие воздуха.

От такой борзости и полного несоблюдения субординации очень хочется треснуть его чем-нибудь, чтобы знал своё место.

Как вообще смеет? Он меня видит первый... Ладно, второй раз! Возможно, и привык общаться так с... местными девушками! Но я-то не такая!

- Ой, что это я? – наш зрительный контакт, между которым, кажется, ещё немного и разразятся молнии, резко прерывается причитанием старушки.

- Что ж я, старая, колбаску-то не предложила, сейчас...сейчас. У меня домашняя. Только схожу в пристройку, вы пока кушайте, кушайте!

И убегает. Оставляя нас наедине.

Мне даже начинает казаться, что делает это она специально.

Уходить вот так, не попрощавшись с бабушкой, не решаюсь, но и сидеть тут с этим...не собираюсь.

- Что ты делал в моей бане? - слова вылетают пулей, не

поспевая за мыслями.

- В твоей? – тёмные брови взлетают. Он откидывается на спинку, скрещивая руки.

Чёрная футболка натягивается на бицепсах, и я невольно снова засматриваюсь на это зрелище. Гоню непрошенные мысли прочь. Пока я пускаю слюни на его идеальную фигуру, ноздри этого неотёсанного мужлана широко раздуваются, словно он злится.

«Хм, славненько», - малодушно радуюсь, что смогла стереть с его идеального лица эту дурацкую победную улыбку.

- Ха, конечно! Не в твоей же! - он выпячивает нижнюю губу вперёд, как бы подтверждая этот факт, и кивает.

Мотаю головой и прищуриваюсь.

- Нет, ты ошибаешься! Эта баня принадлежала моей бабушке, собственно, как и дом. Именно поэтому она моя! Я переехала сюда на неопределённое время и хочу спокойствия, умиротворения, тишины, в конце концов! Поэтому, - кручу ладонью в воздухе прямо перед его носом. - Давай так, чтобы больше я тебя там не видела, хорошо?

- Задам тебе наводящий вопрос, принцесса. Ну, может, ты в курсе, кто построил твою баню? – этот нахал смеет ухмыляться, на предпоследнем слове делая особый упор. И, как на зло, ещё шире расставляет ноги, заставляя меня сдвинуться на самый край дивана.

Необъяснимая злость вскипает во мне, заставляя чувствовать ужасное раздражение.

- Тебе нужно имя? – ну конечно же, я его не знаю! Кто строил эту чёртову баню? Я уже начинаю сомневаться, действительно ли она принадлежала бабушке.

В его глазах будто что-то щёлкает, выключая все предохранители. Парень не выдерживает и агрессивно двигается вперёд, заставляя меня прижаться к стенке. Совсем. Мне не хватает места. Он заполняет всё пространство вокруг, его лицо так близко, что я могу разглядеть каждую мелкую деталь его идеальной кожи. М-да, Лерочка бы офигела от вида этого совершенства. Такому позавидует любая её клиентка.

Радостный настрой вдруг исчезает. Этот грубиян, не стесняясь, рассматривает меня в ответ и облизывается, как голодный кот, смотря на сметану. Глаза, нос, губы. На последних он особенно замедляется. А потом словно обдаёт уша-том ледяной воды!

- Имени ты и не можешь знать, кукла, – последнее слово выдаёт с особым презрением, будто выплёвывая. - Потому как не было тебя в наших краях очень давно. А баба Люба частенько о тебе говорила, внучку единственную вспоминала, ждала. Только вот поздно ты приехала. А потому я тебе вот что скажу: пристройка эта моя. Но я, так уж и быть, позволю твоей холеной заднице мыться в ней... По определённым дням...

От такого напора я теряюсь. Никто и никогда не позволял себе так со мной не разговаривать. Не смел! Его грубость настолько дезориентирует, что я не могу подобрать ни единого

слова, чтобы достойно ответить. А ответить надо бы, потому как, судя по его возбуждённой физиономии, он только этого и ждёт.

Сама не знаю, что мною движет, да я бы и никогда так не сделала, но я толкаю ладонями сидящего напротив громилу в грудь со всей силы. Сама трясусь от негодования. Волосы падают на глаза, я смахиваю их, и снова повторяю свои действия.

- Да как ты смеешь так со мной разговаривать? Ты... – гневно тычу в него указательным пальцем. - Ты... Да я тебя! Как там тебя?

- Иван! – его подбородок вздымается вверх, тогда как сам он сидит, не сдвинувшись ни на миллиметр, словно скала. И лишь дёргающийся кадык говорит о том, что паренёк тоже на пределе.

Сколько силы в этом теле, в качалку-то он тут вряд ли ходит? Перед глазами совсем не вовремя снова всплывает голый торс...

- Познакомились? Вот и славненько! – честно признаться, я и забыла, где я, и что я здесь делаю, но бабушка Нюра напоминает своим внезапным появлением.

Сваливает на стол огромный кусок копчёного сала с прослойкой розового мяса, палку сыровяленой колбасы и сыр.

- У меня и борщ есть? Хотите?

- Эм, нет, пожалуй, я откажусь.

- Не откажусь, бабуль! – одновременно с этим Иваном от-

вечаем в унисон.

Быстро переглядываемся и, не сговариваясь, раздвигаемся в разные стороны.

- Я, наверное, пойду.

- Куда? - замечаю на себе тревожный взгляд бабушки и быстро улавливаю, как этот мужлан уже всюду принимается нарезать мясные деликатесы.

На меня и не смотрит вовсе! Не реагирует, и уход мой никак не комментирует. Я же говорю, не воспитанный!

- Так, в магазин мне надо. Продуктов купить.

- Так Ванятка тебя и отвёз бы. Магазин у нас на другом конце деревни, далеко идти, а там снова буря собирается, кажется.

Смотрю на почти двухметрового «Ванятку», но там всё по-прежнему – в мою сторону ноль реакции. Режет себе спокойненько своё сало и аккуратно раскладывает по тарелочкам. Смотрю на идеально розовые прослойки нежнейшего мяса, и слюна начинает собираться во рту.

Нет, нет, нет! Мама бы не одобрила столько жира! Это же холестерин поднимется!

- Да не стоит... утруждаться. Значит, завтра схожу, вы меня так накормили, что на весь день хватит, - пытаюсь отшутиться, растерянно улыбаясь.

- Да ты постой, я тебе с собой пирогов-то положу, - старушка суется, быстро складывая в котомку пироги, туда же кладёт кусок колбасы и того самого сала.

- Ты ко мне приходи, милая, раз уж пока у нас живёшь. Я тут одна совсем осталась, поболтаем ещё, - пока она меня провожает, я задаюсь вопросами: откуда взялся вообще этот парень, и кем он приходится бабушке Нюре?

- Конечно, бабуль, с удовольствием. И ... Спасибо вам за всё. За ваше доброе сердце, - слышу лёгкий смешок и поднимаю взгляд на Ивана.

Он стоит, уперевшись в стол бёдрами, скрестив руки перед собой. На его лице написано явное «не верю», и я в ответ посылаю ему взгляд: "плевать на твоё мнение". Демонстративно отворачиваюсь, обнимаю напоследок бабушку и иду к выходу.

Ну, я тебе ещё покажу, деревенщина, как вести себя с настоящей женщиной.

Глава 12.

Утром следующего дня я просыпаюсь от жуткого холода. Сон проходит моментально, стоит только открыть глаза. Нежная кожа покрывается россыпью мурашек, и я начинаю дрожать. Натягиваю одеяло по самые уши, но это не спасает. Вся кровать, кажется, покрылась тонким слоем инея.

Пытаюсь сориентироваться, который час, но, судя по скудным солнечным лучам, пробивающимся сквозь плотные шторы, ещё раннее утро.

- Что происходит? – щупаю ледяной нос в недоумении. – П-почему так холодно? – жуткая, не прекращающаяся дрожь в теле, заставляет всё же выбраться из остывающего кокона, и я, припрыгивая голыми пятками по деревянному полу, бегу на кухню.

В панике нажимаю на все кнопки газового котла, но ничего не работает!

- Ну давай же! Глупая железяка! Не вздумай ломаться! – кручу переключатель, регулирующий температуру, но все тщетно! Он словно умер!

Индикатор не горит, и сейчас эта большая железная коробка с множеством потухших кнопок больше напоминает грудку бесполезного металла.

- Нет, нет, нет! – поворачиваю голову в сторону печки и судорожно вздыхаю.

Паника заставляет лихорадочно проворачивать всевозможные варианты дальнейших событий. Замёрзнуть молодой и красивой вариант, конечно, так себе, но, если я что-нибудь не придумаю, похоже, так и случится.

И тут меня сносит волной суровой реальности проживания в сельской местности.

Есть только один способ обогреть этот огромный дом в случае поломки котла – затопить старую, добрую и проверенную годами печь.

И всё бы ничего, но я не умею этого делать! Что же, мне тут от холода совсем замёрзнуть?!

Нет, конечно же, в теории я знаю, что нужны дрова, огонь и... что там ещё нужно? Всё? Ну, в принципе, ничего сложного ведь в этом нет?!

Стоя посреди кухни и кутаясь в два свитера, а поверх в махровый халат, с особым вниманием смотрю на мёртвый котёл в углу. Цифры на термометре за окном уже опустились до минус двадцати трёх, а внутри дома стало видно, как дышать — маленькие облачка пара вырываются с каждым выдохом. Прекрасно!

- Только этого не хватало, — шиплю сквозь зубы, которые начинают непроизвольно стучать.

Дом стремительно превращается в морозильную камеру, а моя безысходность начинает давить на спонтанно принятое решение остаться здесь на длительное время. Сомнения зарождаются в считанные секунды, и затея пожить одной в

деревенской глуши подальше от цивилизации уже не кажется такой умной.

Но ведь бабушка же жила как-то здесь?! Неужели я не справлюсь?!

Ха-ха!

Мысли позвонить папе и пожаловаться отпадают в тот же момент, как только вижу, что загорается свет в окнах соседского дома.

— Вот и познакомлюсь заодно! — натягивая шерстяную шапку посильнее, бормочу себе под нос. — В конце концов, соседи — это не так уж и плохо. Они ведь всегда должны прийти на помощь? Как там в старых добрых фильмах: солью поделиться, котёл помочь включить...

Быстро пересекаю ограду и захожу на территорию чужого дома. На заднем дворе припаркована огромная чёрная машина, больше похожая на джип-вездеход. Стучу в большую деревянную дверь дрожащими от холода руками и прыгаю с ноги на ногу. Вдыхаю тёплый воздух в ладони, растираю их, безуспешно пытаюсь согреться.

Тихое рычание за спиной внезапно прерывает предрасветную тишину, и я словно в замедленной съёмке разворачиваюсь, чтобы посмотреть на источник озлобленного звука. Несколько раз пытаюсь проморгаться и даже забываю о том, что ужасно замёрзла и практически не чувствую своих рук, потому что от страха волоски начинают шевелиться на коже, и неизвестно откуда взявшийся жар разливается по венам.

В шаге от меня стоит огромный доберман. Мощный, упитанный, с гладкой шерстью почти чёрного цвета. Его не по-доброму обращённый в мою сторону оскал явно кричит о том, что эта собака не рада видеть незваную гостью на своей территории.

- Фух...милый пёсик... Привет, - пытаюсь улыбнуться ему, показаться дружелюбной, но это не срабатывает, и четвероногий начинает лаять на всю округу.

Пёс агрессивно расставляет передние лапы, и я закрываю уши руками, крепко зажмуриваю глаза и практически прощаюсь с жизнью, пытаюсь вспомнить самое хорошее, что случилось со мной за двадцать два года, как вдруг за спиной раздаётся знакомый грубый бас.

- Тор! Место! Фу! – не может этого быть! Только не он!

- Место, я сказал! – доберман наконец-то умолкает, и я осмеливаюсь открыть сначала один глаз, а потом и второй.

Ну да, точно, он. Мой сосед.

- Что ты тут делаешь? Жить надоело? – Иван стоит на пороге в белой футболке и спортивных серых штанах с босыми ногами. Ну конечно, у него-то дома тепло! – Эта собака научена сторожить и охранять, а ты для него чужая! Не успеешь и глазом моргнуть, как от тебя только шапочка твоя и останется.

- Я... у меня... - от страха и растерянности начинаю заикаться. Поправляю ту самую розовую шапку, натягивая её пониже.

Какого чёрта он снова на меня кричит? Понимаю, что, помимо того, что он пользуется моей баней, в добавок ко всему мы оказались ещё и соседями, а его собака только что чуть не сожрала меня!

- Почему ты всё время меня отчитываешь? – расправляю смело плечи и смотрю прямо в его сердитые глаза. А в них уже пожар. Там я горю на костре...Ну точно!

Доберман, немного успокоившись, уже не смотрит на меня как на еду, а с интересом разглядывает, наклоня голову в разные стороны.

- Ты поэтому пришла ко мне в шесть утра? Чтобы задать свой глупый вопрос? – он иронично вскидывая чёрную бровь, заставляя меня гореть на морозе.

Нет, блин, я пришла накормить твою собаку!

Иван облакачивается на дверной косяк и по-мужски убирает огромные ладони в карманы брюк, слегка оттягивая их спереди.

- Нет! Конечно же, нет! - от его напора я снова теряюсь. Зачем я пришла? Забыла.

Ну почему мне так сложно общаться с ним? Каждый раз, когда вижу этого...Ивана, я теряюсь, забывая про свою уверенность, не знаю, что сказать, краснею, как девочка, и наверняка выгляжу, не совсем адекватно, открывая и закрывая рот, словно рыбка.

Делаю осторожный шаг назад, на безопасное расстояние. Глубоко вдыхаю морозный, потрескивающий воздух, соби-

рая остатки достоинства.

И вдруг вспоминаю... Котёл. Холод.

И как я буду просить его о помощи? Да он явно пошлёт меня куда подальше!

«Умрёшь гордой, но замёрзшей идиоткой» - шепчет разум, но я упорно его игнорирую.

- Забудь. Просто... ничего... Я ошиблась, - говорю уверенно, чётко проговаривая каждое слово.

«Говори кратко, проси мало, уходи борзо!» - зачем-то вспоминаю слова великого.

Нет, просить у этого я уж точно ничего не буду!

И... разворачиваюсь в сторону своего дома.

Ну всё, теперь я точно замёрзну.

И да, я полная идиотка.

Визуалы 2

Представляю вашему вниманию Ивана, 23 года

Глава 13.

Встав на табуретку возле окна, поднимаю телефон к потолку, пытаюсь поймать связь с внешним миром. Пальто до сих пор на мне, впрочем, как и шапка с перчатками.

После не совсем удачного знакомства со своим соседом я всё-таки осмеливаюсь самостоятельно затопить печь.

Другого выхода нет.

В конце концов, диссертацию я же могу писать, а значит, и печь затопить смогу!

Это же проще простого!

Наверное...

Тяну руку с гаджетом выше к потолку в поисках инструкции в интернете, но слабый сигнал интернета окончательно пропадает вместе с последними процентами заряда на телефоне.

- Так, ладно... Хорошо, - пытаюсь успокоиться и собраться с мыслями. Убираю телефон в сторону и возвращаюсь на пол.

В пристройке неподалёку от дома были дрова, я точно видела их вчера, когда изучала окрестности. Нужно просто сходить и принести их оттуда.

А через десять минут я уже уверенно складываю поленья в печь, кидаю лист бумаги сверху и поджигаю его.

Сначала ничего не получается: бумага тлеет и гаснет.

Вспышка огня, я пытаюсь снова и снова, но каждое старание заканчивается неудачей. И лишь на пятый раз дрова начинают гореть, огонь медленно переходит от одного поленца к другому, и мои руки наконец-то ощущают долгожданное тепло.

Мурашки бегут по коже, и я чувствую блаженство...

Ю-ху! Ура!

- Ну, и кто тут молодец? Мм-м?

Но счастье моё, увы, длится не долго. Не успев толком раздеться и согреться, понимаю, что кухня, где расположена печь, понемногу заполняется дымом. Густым, тёмным и едким.

В панике быстро распахиваю окно и бегу к входной двери, инстинктивно понимая, что сделала что-то не так. А вот, что именно, не понятно. Открываю настежь, и холодный воздух без спроса врывается в дом вместе с вихрем снежной пурги.

Забываю про печь, про дым, про всё на свете забываю, потому что на пороге стоит собственной персоной, злющий как сам чёрт, сосед. От агрессивной энергии, исходящей от его жаркой груди, я даже немного отшатываюсь назад. Он закрывает весь дверной проём своими широкими плечами и внимательно смотрит вглубь дома сквозь меня.

- Так и знал, - сквозь зубы цедит Иван и отодвигает меня в сторону. Быстрым уверенным шагом проходит в дом. Парень ориентируется в комнатах так, будто был здесь неоднократно.

- Принцесса городская... — ворчит и скидывает с себя куртку прямо на пол. — Чуть дом не спалила, к хренам собачьим! Думаешь, деревенская жизнь — это только картинки выставлять в соцсети с какао и зефиром? Печь топить ты явно не умеешь! Задохнуться здесь решила?! — с каждым чётко произнесённым словом тон его голоса повышается на несколько децибел, и я, пытаясь защититься от обвинений, виновато обнимаю себя руками. Не думала, что всё настолько серьёзно.

Мне хочется наговорить ему кучу колкостей, хочется хорошенько стукнуть его чем-нибудь тяжёлым по голове, хочется выгнать его прочь из моего дома...но, вместо этого всего, я почему-то снова застываю на месте и позволяю ему хозяйничать на моей кухне.

Может, потому что он немного прав? Самую малость...

Его движения уверенные, быстрые. Незванный сосед-спаситель закрывает распахнутое окно и приседает возле печки.

- Ты заслонку совсем закрыла, вот оно и дымит! Воздуху хода нет! —поучительно объясняет, словно перед ним пятилетняя девочка.

А я такой себя и чувствую рядом с ним. И ведь далеко не ребёнок, а уже давно состоявшаяся личность! Так какого же..?

Иван что-то возится у основания печи, и дымка на кухне постепенно рассеивается.

- Кто тебя вообще тут одну оставил?

- Я сама, - безнадёжно сообщаю.

Не в силах больше сдерживать мужской напор, обречённо откидываюсь спиной на стену. Ещё немного, и я заплачу.

Что же такое? Я не справляюсь?

Иван долго изучает меня прищуренным взглядом, а потом вдруг громко вздыхает и продолжает уже спокойнее.

- В следующий раз открывай эту штуку, - указывает на отверстие в печи, прикрытое металлической перегородкой. – И дымить не будет. Это не сложно, но придерживайся простых правил.

- Спасибо... - обнимаю себя за плечи, стараясь не смотреть в его сторону. – В следующий раз открою, - в носу предательски свербит, и я шмыгаю.

Почему-то именно в этот момент вспоминаю Ковалевско-го. Сравниваю зачем-то. Горько осознаю, что сравнение это явно не в его пользу. Алексей, случись с ним подобная история, первым бы покинул этот дом, бросив тут всё, и ждал подмоги со стороны. А пока кто-нибудь ехал, от дома остались бы одни угли...

Иван, по-видимому, не совсем уверен в том, что я что-то понимаю, поэтому снова объясняет резко, отрывисто, но при этом очень чётко и ясно. Показывает, как регулировать тягу, как определить по цвету пламени и звуку, всё ли в порядке.

Я же спускаюсь по стене и оседаю на пол, молча смотрю, как его уверенные, сильные руки управляют огнем. Ворчание его постепенно стихает, остаются только чёткие указа-

ния.

Тепло растекается по комнате медленно, почти неощутимо, и буквально через двадцать минут ледяная хватка в воздухе ослабевает.

- Гореть будет часов пять-шесть, потом подбросишь вот таких два полена, - сосед показывает на полешки среднего размера. - И не закрывай заслонку полностью, помни.

Он моет руки в раковине, отряхивается. Осматривает поломанный котёл ещё некоторое время и выносит вердикт железной коробке.

- Плата полетела, нужна новая.

- Что? – с умным видом заглядываю внутрь, будто разбираюсь в этом.

- Я говорю, плата сломалась, нужна новая.

-А-а-а, - тяну, понимающе киваю.

Хотя нет, я ни черта не понимаю в этой электронике. Пытаюсь сделать умное лицо, но, похоже, это выглядит совсем не убедительно, потому что этот умник стоит и усмехается.

- Что?

- Да так... ничего., - большим пальцем руки он, кажется, неосознанно трёт подбородок, оттягивая нижнюю губу, и медленно проводит им по ней. Я же облизываю свои.

- Я завтра еду как раз в город, могу купить, - перевожу взгляд от его порочных губ к глазам, в которых пляшут ог-

ненные искорки. Прикрываю веки и чуть встряхиваю голову, избавляясь от ненужных мыслей.

- Аа, нет! Кх-м, спасибо. Мне привезут, попрошу водителя.

- М-м-м, - улыбка сходит с мужского лица, а глаза снова холодеют.

На какую-то долю секунды даже кажется, что я снова улавливаю эту знакомую уже нотку отвращения на его лице.

- Что? – приподнимаю подбородок, спрашиваю с вызовом.

Взгляд Ивана тяжёлый, хмурый. Он будто старается пробраться до самого нутра... Мне это не нравится, но я держусь и смотрю прямо на него.

- Приехала сюда на каникулы... развлекаешься... - Иван не спрашивает, а утверждает. Уже всё решил и сделал свои выводы. И голос его холодный и глубокий.

И кто я такая, чтобы его переубеждать? Он мне никто. Пусть думает себе что угодно.

Плевать.

Глава 14.

- Ну и чем ты тут занимаешься, внученька? Не скучно тебе у нас? – бабушка Нюра сидит в своём большом кресле, у её ног клубок серой шерсти и огромный, жирный кот Васька. Он тщательно намывает свои лапы и лишь изредка замирает, дёргая ушами.

- Что вы? Скучать не приходится, - замороженно смотрю, как она вяжет, и внутри немного всё успокаивается.

Голос уже не такой дрожащий, и дыхание почти восстановилось.

Я снова видела своего соседа. И снова практически голого. На пороге МОЕЙ бани! Но, похоже, он так вовсе не считает!

Закрываю глаза, и картинка полностью повторяется, она, как заезженная пластинка, крутит одно и то же в моей и без того больной голове: капли воды, стекающие по идеальному торсу, волоски на быстро вздымающейся широкой груди, идеальные кубики пресса, дорожка, ускользящая под махровую белую ткань, плотно завязанную на крепких бёдрах...

Вот же проклятье! Не мог он быть немного менее идеальным?!

Прикусываю губу и представляю, как сдираю с него то самое полотенце, опускаюсь на колени и...

- Погода нынче совсем испортилась, говорила я ему... со-

всем не слушается... Упрямый.

Распахиваю глаза, тело передёргивает от напряжения, которое, похоже, скоро разорвёт меня на части. Год без секса, а тут такое тело...

- Кто упрямый? – пытаюсь для приличия уловить нить разговора. Бабушка перекладывает пряжу, спицы бьются с громким звоном, и она сворачивает связанную часть пледа на подлокотник.

- Иван. В город собрался, - морщинистые губы недовольно поджимаются.

Ха, опять этот Иван.

- Мм-м, так пусть едет. Может, надо ему, - подтягиваю под себя ноги и облакачиваюсь головой на ладонь.

- Бежит он. Только вот от судьбы не убежишь.

А вот это уже интересно. Раз уж зашёл разговор, я хочу поинтересоваться. Так, чисто из любопытства. Не более.

- Бабуль? А почему этот Иван живёт тут один? Молодой парень и..?

То, что это так - стопроцентная информация. Внимательные наблюдения за вредным соседом свидетельствуют о том, что вот уже почти как неделю, кроме него самого, никто не заходил и не выходил из дома, что стоит за моим забором.

- Ох, милая. Грустная там история, - даже и сообразить не успеваю, как уже оказываюсь свидетелем горькой судьбы своего соседа. – Была у него девушка, ну как была? Она и сейчас есть – Маринка, живёт в соседних Озерках. Когда-то

любовь была у них, сильная, сумасшедшая, - бабушка замирает, будто что-то вспоминает, а я нервно сглатываю.

- Ну и Ванятку-то нашего бросила она. Не дождалась парнишку из армии. Загуляла. Вот и вся история.

Перевариваю информацию молча. Вот, значит, как.

Была любимая девушка. Сумасшедшая любовь...

Слева в груди что-то требовательно покалывает, и я вспоминаю своего жениха и лучшую подругу. Надо же, судьбы наши похожи.

И это многое объясняет. Его характер, например. Отношение к девушкам. В частности, и агрессию в мою сторону.

- А давно это было? — даже не задумываюсь, насколько выдаю себя, слишком уж сердобольно интересуясь жизнью своего соседа.

- Полгода уж как. Он поэтому и на работу-то устроился на самый крайний Север. Подальше отсюда*.

— Это куда?

— Это, милая, туда, где смерть ходит по пятам. Где каждый день может стать последним.

Бабушка Нюра больше ничего не рассказывает про Ивана, а я боюсь спрашивать. И так многое услышала, даже слишком. И мне так не хочется, чтобы личная жизнь этого парня интересовала меня, но почему-то то и дело мыслями возвращаюсь к истории, которую поведала добрая старушка.

Пол дня я помогаю ей по дому, мы печём хлеб. Ну как печём, занимается всем бабушка Нюра, я же так, только на-

блюдаю, болтаю, рассказываю о себе, стараясь избегать темы о личной жизни. Не хотелось бы, чтобы обо мне что-то здесь знали. Особенно он. Ведь он точно так же, случайно может поинтересоваться. Ведь может?

А бабушка особо и не спрашивает, будто чувствует, что для меня это болезненная тема.

Ухожу уже ближе к вечеру с буханкой свежего и ещё горячего хлеба, от которого исходит невероятный аромат. Медленно иду вдоль домов, рассматривая ажурные узоры на заборах. И почему родители были уверены, что тут никто не живёт? Вон сколько светящихся окон! И гирлянды, столько мерцающих крыш! Снег падает крупными хлопьями и приятно поскрипывает под ногами.

Не сдерживаюсь и откусываю кусочек от свежего хлеба, громко стону от наслаждения. Боже, как же это вкусно!

Облизываю крошки с губ и убираю буханку в пакет. Огромный доберман неспеша бежит мне навстречу, и я немного сбавляю шаг. Кто-то рассказывал однажды, что собаки чувствуют, когда их боятся, поэтому что есть силы стараюсь унять дрожь в коленках и с гордо поднятой головой продолжаю своё движение в сторону дома.

Собака же, словно приклеенная, бежит за мной по пятам.
- Ну, и что тебе надо? Как там тебя? – останавливаюсь и смотрю на пса. – Где твой хозяин?

Эта наглая морда встаёт на задние лапы, а передними упирается в мою грудь, отчего наш с ним рост почти выравни-

вается. Нюхает лицо и так по-дружески начинает облизывать красные от мороза щёки.

- Что ты? – уворачиваюсь от мокрого слюнявого языка добермана и почему-то хихикаю. – Перестань, пожалуйста! Ты же меня съешь!

- Ахаха, переста-а-ань!

- Тор! Место! Фу! – ну наконец-то.

Хозяин собаки объявляется внезапно, и пёс, как по струнке, смирно оседает на своих задних.

- Извини, он обычно так не делает, - сосед, не выходящий из моей головы практически весь день, появляется из ниоткуда собственной персоной.

Большой чёрный пуховик с капюшоном, спортивные штаны и ботинки. В руке у него поводок, судя по всему, от того самого добермана, так по-хозяйски облизнявившего моё лицо.

- Да, ничего, - вытираю мокрые щёки рукавом куртки и убираю растрепавшиеся из-под шапки волосы. – Бывает.

- От тебя пахнет хлебом, - Иван чуть наклоняется ко мне и... нюхает?

- А-а, это баба Нюра меня угостила. Хочешь? – протягиваю ему булку своего хлеба.

Сама не знаю, почему это вдруг с ним любезничаю, но сейчас готова отдать ему хоть всё своё лакомство. В конце концов, он мне помог с печкой.

Карие глаза внимательно изучают моё лицо: глаза, нос и...

останавливаются на губах.

- У тебя тут... - горячий и шершавый палец трогает уголок моего рта, быстро что-то стряхивая. — Крошка.

Секунда прикосновения, и этого достаточно, чтобы жар поднялся изнутри, полыхая на коже. И даже снег не в силах погасить его. Во мне всё горит и искрит, и, кажется, я сейчас взорвусь.

Губы горят, зудят. Пальцы стискивают пакет с такой силой, что тот начинает скрипеть на морозе.

Ваня поднимает свои глаза и смотрит будто сквозь меня, куда-то вдаль.

- Я тебя сейчас поцелую, - не переставая смотреть в даль, утверждает он. Вот так просто, хриплым голосом произносит, отчего я нервно открываю и закрываю рот.

- Можно? — теперь он спрашивает. Переводит, наконец, свой взгляд на меня и ждёт.

Расстояние между нами сокращается, крупные снежинки падают на наши лица, мгновенно тая превращаясь в воду. И эта вода будто проводник между нами, она как притяжение...стекает по щекам, к пылающим губам. Манит, призывает.

Не отвечаю, замираю. Не верю, что он это сделает. «Добрячок» Тор начинает громко лаять и прыгать, виляя своим обрубок хвоста. На мгновение отвлекаюсь на собаку, но моё лицо тут же оказывается в горячих, шершавых ладонях соседа, а его мягкие и влажные губы захватывают мои.

Не успеваю ничего ответить, губы сами раскрываются, и горячий язык проникает внутрь.

*Слово «отсюдова» - конечно же, является слэнгом бабушки Нюры.

Глава 15.

Утром того же дня.

Иван.

Прижимаю телефон к уху, слушая голос Николая, доносившийся сквозь лёгкий треск помех. Коллега сейчас на другом конце земного шара, в служебном вагончике, и мы сверяем график ремонтных работ на насосной станции.

— Значит, завтра с утра берите третий агрегат, — чётко даю указания, уставившись в стол, заваленный схемами. — Компрессоры должны быть к полудню, если, конечно, дорогу не замело опять.

Голос Николая что-то бубнит в ответ про запчасти и нерадивого снабженца из «города», но моё внимание внезапно ускользает от разговора. Оно плавно переходит за окно, в белую, искрящуюся под редким солнцем пустыню соседнего двора.

Снова она. Избалованная принцесса.

Уверен, стоит ей только попросить, папочка с мамочкой всё принесут к её ногам.

Какого хрена она здесь забыла? Уже вторую неделю пытается выжить в деревенских условиях. Ну ясен же хуй, не её эта территория.

Она тут как белая ворона со своим идеальным мировоззрением. Вся из себя, кукла, одним словом. Я таких даже и

не встречал. Страшно дотронуться, рассыпется вся. Такой только любоваться... со стороны.

Сука, чуть дом не спалила... Как вспомню, аж вздрагиваю. Если бы вовремя не пришёл, полыхало бы всё вокруг... Блядь...

Смотрю, как эта упёртая, закутанная в огромный, явно не по её размеру тулуп и смешную розовую шапку с помпоном, таскает дрова из сарая к своему дому. Делает она это отвратительно.

Поленья, похожие на непослушных детей, то и дело нороят выскользнуть из её неуклюжих объятий. Она берёт слишком много сразу, делает два шага, и одно полено падает. Она нагибается, роняя еще два.

Ну кто так носит-то?

Морозный воздух за окном такой густой, что кажется, его можно резать ножом. Понимаю это по её дыханию, которое вырывается клубами пара.

Непроизвольно стискиваю телефон, отчего корпус бедолаги начинает скрипеть. Дёргаюсь вперёд, но тут же осекаю себя. Стоять, бля.

Не лезь, убьёт. Такая прожужёт и выплюнет. Даже не подавится.

Наиграется и свалит отсюда. А ты поминай, как звали.

Хотя, как зовут её, помню ещё с детства. С тех самых времён, когда играли вместе в одном дворе. Только вот она вряд ли вспомнит. Не царское это дело, помнить всех холопов де-

ревенских.

Лицо Миры, несмотря на лютый холод, пылает от усилий и, как мне кажется, от досады.

- Иван! Ты слушаешь?! - взрывается в трубке Николай. - Я говорю, компрессоры должны быть в четверг!

- Да, да, в четверг, - машинально отвечаю, не отрывая взгляда от девчонки.

Она снова собрала охапку, прижала её к себе подбородком и идёт, осторожно переставляя свои идеальные длинные ноги в этих тонких колготках и непонятных меховых ботинках по утоптанному снегу.

Ну, такими темпами эта кукла и до весны не доживёт. Замерзнет прямо в ближайшем сугробе, превратившись в айсберг с розовым помпоном.

Есть что-то в этом трогательное и безнадежно упрямое. В этой её борьбе с простой мужской работой.

Да, кстати, мужик-то у неё по-любому должен быть?

Тор, всё это время развалившийся на своей лежанке, резко поднимает голову и громко лает, словно соглашается со мной.

Ну и где твой кен, Барби?

Мира сбивается, спотыкается и падает прямо в огромный сугроб практически возле её дома. Да, ёбанный ...

- Всё, Колян, давай, на связи, - сбрасываю вызов.

И уже практически накидываю на себя куртку, но в следующую секунду стопорюсь: наша принцесса передумала зани-

маться тяжким трудом. Она, взвизгивая и что-то ругаясь себе под нос, грозно скидывает поленья и, отряхиваясь от щепок, разворачивается и уходит в противоположную сторону от дома.

Улыбка растягивается на моём лице. Устала, моя же ты хорошая.

И на сколько тебя хватит? Дрова то тебе кто будет носить? Котёл твой чинить? Ну и куда ты собралась-то, горе ты луковое?

Смотрю, как запирает дверь на засов в ограде и растворяется в белой дымке.

- Да короче... - выдыхаю, застёгиваю замок на куртке и выхожу из дома.

С лёгкостью открываю потайную дверь в заборе за нашими домами, о которой она даже и не подозревает, и быстрым шагом прохожу в пристройку. Тор всё время прыгает рядом, обрадовавшись тому, что вышел на улицу. Глажу его по спине.

- Ну что, поможем соседке? А то замёрзнет ведь совсем.

Переношу дрова, столько, чтобы ей хватило на несколько дней. Аккуратно укладываю прямо возле двери.

Не думаю сейчас, зачем я это делаю. Просто так поступил бы любой мужик. Я уверен.

Смотрю на стопку дров и отмечаю про себя, что сегодня, когда поеду в город, обязательно нужно купить деталь для её газового котла. Печь это хорошо, но какое-то странное чув-

ство тревоги постоянно меня напрягает, стоит представить, как наша принцесса зажигает огонь.

Заканчиваю с дровами и снова возвращаюсь к себе. Телефон мигает входящим сообщением, и на экране высвечивается имя девушки. Той, что, не видеть, не слышать не желаю.

Пять секунд, и аппарат начинает вибрировать от звонка. Маринка...

Глава 16.

Из города возвращаюсь уже ближе к вечеру, когда начинает темнеть. Быстро разгружаю сумки, распределяю продукты в холодильник, кормлю Тора. Чуть позже планирую ещё заглянуть к бабе Нюре, проведать. Гост

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.